891.73
L56
Bik7

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ДЛЯ ШКОЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

ПОСОБІЕ
ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ,
ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

СОСТАВИЛЪ
В. А. Икорниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія П. И. Шмидта, Галерная, № 6.
1887.

Дозволено цензурою. Спб. 6 Ноября 1886 года.

891.73
L56
Bik 7

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книжка имѣетъ въ виду, съ одной стороны, показать печальныя условія дѣтства и ранней юности поэта, сообщившія такой безотрадный, отрицательный характеръ его поэзіи; съ другой—обнаружить и тотъ родникъ безконечной любви къ человѣку и родинѣ, который такъ согрѣваетъ эту чудную поэзію. Эта-то сторона Лермонтова и имѣетъ, по нашему мнѣнію, особое воспитательное значеніе для юношества, которому по преимуществу, подобно первымъ тремъ книжкамъ (Жуковскій, Тургеневъ, Пушкинъ), предназначается и настоящій выпускъ Русскихъ писателей для школъ.

При составленіи книжки авторъ пользовался, главнымъ образомъ, статьею А. Н Пыпина, помѣщенной въ изданіи сочиненій Лермонтова 1873 г., и критико-біографическими статьями г. Висковатаго въ «Русской Мысли». Не мало матеріалу дали и разбросанныя по журналамъ и изданіямъ разныхъ

годовъ замѣтки и воспоминанія о Лермонтовѣ, которыя однако, не смотря на все ихъ обиліе, далеко не восполняютъ многихъ видныхъ пробѣловъ біографіи поэта. Даже статьи г. Висковатаго, дающія нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о жизни Лермонтова, въ общемъ, представляютъ тѣ-же пробѣлы. Вопросъ, напр., о разрывѣ поэта съ отцомъ до сихъ поръ разъясненъ весьма мало.

Посвящая одну изъ главъ біографіи Байрона, составитель руководился соображеніемъ, что изъ указываемаго имъ сходства условій жизни обоихъ поэтовъ сама собою вытекаетъ необходимость подражанія Лермонтова Байрону. Отсюда ясно, что байронизмъ Лермонтова былъ не напускнымъ, а вполнѣ естественнымъ, исходившимъ изъ одинаковыхъ характеровъ поэтовъ и условій жизни, по странной случайности, очень сходныхъ у нихъ обоихъ.

Викторъ Острогорскій.

ГЛАВА I.

Рожденіе М. Ю. Лермонтова. — Елизавета Алексѣевна Арсеньева бабушка поэта.—Ея отношеніе къ отцу поэта.—Родъ Лермонтовыхъ.—Марья Михайловна, мать поэта.—Юрій Петровичъ, отецъ его.—Первые годы жизни ребенка.—Смерть матери.—Юрій Петровичъ оставляетъ сына у бабушки.—Село Тарханы.—Избалованность ребенка и рѣзкія выходки его.—Бонна-нѣмка, Х. О. Ремеръ.—Ея разсказы и бурныя фантазіи мальчика.—Поѣздка на Кавказъ.—Ея вліяніе.—Первая любовь.

Если отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ ѣхать къ Краснымъ воротамъ,—на правой рукѣ, на площади, противъ самыхъ Красныхъ воротъ, стоитъ огромный, трехъ-этажный, каменный домъ съ балкономъ на углу. Домъ этотъ надстроенъ и расширенъ сравнительно недавно, лѣтъ же семьдесятъ слишкомъ назадъ не выдавался ни особенными размѣрами, ни убранствомъ. Въ это то время, въ 1814 г., поселились въ немъ молодые супруги Лермонтовы, Юрій Петровичъ и Марья Михайловна, только что пріѣхавшіе изъ имѣнія, гдѣ проводили они свой медовый мѣсяцъ. Пріѣздъ въ Москву вызванъ былъ разстроеннымъ здоровьемъ Марьи Михайловны, а потому молодую сопровождала въ поѣздкѣ и мать ея, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, поселившаяся съ дочерью въ одномъ домѣ. Здѣсь-то въ ночь со втораго на третье Октября 1814 г. у Лермонтовыхъ родился сынъ.

Младенца назвали Михаиломъ въ честь дѣдушки, покойнаго мужа Елизаветы Алексѣевны, бабушка же стала его крестной матерью.

Елизавета Алексѣевна, души не чаявшая въ единственной, страстно любимой дочери, теперь перенесла эту любовь и на внука, который сталъ ея кумиромъ, ея сокровищемъ. Весь уходъ за ребенкомъ, всѣ попеченія о немъ она приняла на себя, и съ тѣхъ поръ ревниво отстраняла всякое постороннее вмѣшательство въ жизнь своего любимца. Тотчасъ по рожденіи, къ Мишелю, какъ бабушка называла внука, приставили нѣмку-бонну, Христину Осиповну Ремеръ, и выписали изъ имѣнія, по выбору бабушки, самую здоровую кормилицу. Бабушка вѣдала все, Марья-же Михайловна ни во что не вмѣшивалась: слабая, болѣзненная, сама требовавшая ухода, она во всемъ повиновалась матери; а Елизаветѣ Алексѣевнѣ съ ея властолюбивымъ характеромъ это было, какъ нельзя болѣе, на руку.

Дочь богатаго, родовитаго помѣщика, Алексѣя Емельяновича Столыпина, Арсеньева очень гордилась своимъ знатнымъ происхожденіемъ и свысока смотрѣла на людей, стоявшихъ ниже ея по общественному положенію. Высокая, стройная, красивая, съ строгимъ, энергичнымъ выраженіемъ лица, она имѣла видъ повелительный, гордый. Она держалась всегда прямо, ходила, слегка опираясь на трость, всѣмъ говорила „ты“ и, не стѣсняясь, рѣзала правду въ глаза. Среди знавшихъ ее Елизавета Алексѣевна пользовалась репутаціей женщины умной, хотя образованіе, по тогдашнему времени, получила она самое скудное. Этотъ недостатокъ образованія сильно сказался на ея характерѣ, чрезвычайно крутомъ и суровомъ, отъ котораго плохо жилось всѣмъ окружавшимъ ее и особенно дворовымъ. Въ обращеніи съ послѣдними строгая помѣщица не скупилась на крутыя мѣры и даже не

брезгала расправляться собственноручно. Страстная, энергичная по природѣ, она стремилась къ достиженію разъ поставленной цѣли во что-бы ни стало и даже въ капризахъ и мелочныхъ желаніяхъ не допускала возраженій. Ея деспотизму, своенравію и взбалмошности не было границъ.

За то и въ привязанностяхъ Арсеньева не знала середины: дочь любила она безумно, а теперь такъ же безумно полюбила и внука.

Но такая любовь къ внуку, при своенравномъ характерѣ Арсеньевой, только усилила непріязнь между нею и зятемъ, къ которому чуть ли не съ первыхъ дней его женитьбы Елизавета Алексѣевна относилась весьма недружелюбно.

Арсеньева далеко не довольна была партіей, какую сдѣлала дочь, выйдя замужъ за Юрья Петровича. Она никогда не могла примириться съ мыслью, что зять ея бѣдный, захудалый дворянинъ, и при случаѣ всячески давала понять ему всю разницу ихъ общественнаго положенія. Насмѣшка и пренебреженіе замѣтно сквозили въ ея отношеніяхъ къ зятю. Неизвѣстность и незнатность рода Лермонтовыхъ были постояннымъ упрекомъ, съ какимъ Арсеньева обращалась къ Юрью Петровичу. Но она была далеко не права въ этомъ.

Правда, Юрій Петровичъ, дослужившійся только до чина капитана, карьеры себѣ не составилъ, но родомъ онъ могъ гордиться не меньше Арсеньевой. Родъ свой велъ онъ отъ старинной шотландской фамиліи „Лермонтъ“ изъ графства Эдинбургъ, фамиліи, восходящей еще къ XI вѣку. Въ числѣ предковъ „Лермонты“ считали, между прочимъ и знаменитаго шотландскаго барда, Ѳому „Лермонта“*), который, по преданію, въ юности унесенъ былъ въ страну

*) Умеръ въ 1307 году.

фей, гдѣ пріобрѣлъ даръ прорицанія и пѣсенъ. Этотъ Ѳома „Лермонтъ“ изображенъ Вальтеръ-Скоттомъ въ балладѣ „Шѣвецъ Ѳома“.

Родоначальникъ русской отрасли фамиліи „Лермонтовъ“, Юрій Андреевичъ, переселился въ Россію въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича и, получивъ отъ царя въ даръ нѣсколько деревень, назначенъ былъ обучать рейтерскому строю новокрещенныхъ нѣмцевъ и татаръ.

Позднѣе, въ XVIII в., фамилія Лермонтовыхъ, сначала богатая и осыпаемая почестями, захудала, такъ что отецъ Юрья Петровича былъ бѣднымъ армейскимъ офицеромъ.

Если бы Елизавета Алексѣевна знала эти подробности родословной Лермонтовыхъ, можетъ быть, ея тщеславіе было бы удовлетворено и между зятемъ и тещей не возникло тѣхъ остро-враждебныхъ отношеній, которыя отравили „ребяческіе дни“ мальчика Лермонтова.

Недолго была счастлива Марья Михайловна съ мужемъ. Съ рожденіемъ сына и вскорѣ послѣдовавшимъ затѣмъ переѣздомъ изъ Москвы въ имѣнье «Тарханы» начался для нея рядъ грустныхъ и горькихъ дней. Она вышла замужъ совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, шестнадцати лѣтъ. Нервная, болѣзненно-впечатлительная, слабая волей, она была въ полномъ подчиненіи у матери. Хотя и горячо любила Марья Михайловна мужа, все же у ней не доставало силъ стать на его сторону въ борьбѣ, которая велась между нимъ и матерью. Арсеньева, враждебно настроенная противъ зятя, старалась и въ дочери поселить къ нему такое же чувство.

Юрій Петровичъ—красивый, свѣтскій молодой человѣкъ, былъ въ сущности добрый малый, съ характеромъ мягкимъ, покладистымъ. Правда, своимъ легкомысліемъ и вѣтренностью онъ причинялъ не мало непріятностей женѣ, но непріятности эти были особенно чувствительны потому, что

Арсеньева раздувала ихъ, непрошенно вмѣшиваясь въ отношенія супруговъ. Отсюда происходили постоянныя ссоры, и въ семьѣ царствовалъ полнѣйшій разладъ. Марья Михайловна страшно тяготилась этой обстановкой, но страданья таила въ себѣ и отдыхала душой только тогда, когда могла быть подлѣ ребенка, который былъ ея единственнымъ утѣшеніемъ и въ которомъ находила она поддержку своимъ надломленнымъ силамъ и здоровью.

А ребенокъ росъ, между тѣмъ, окруженный заботами, ласками и самымъ бдительнымъ уходомъ.

Ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая *).

Ребенку при самомъ рожденьѣ старухи предсказали счастливую будущность. Онъ родился весь въ волосахъ, а это, по ихъ мнѣнію, было добрымъ знакомъ. Но чуть ли не съ первыхъ дней жизни ребенка эти добрыя предзнаменованія далеко не оправдались. Несмотря на тщательный уходъ и попеченія бабушки, Миша росъ мальчикомъ слабымъ, болѣзненнымъ. Эту слабость и болѣзненность унаслѣдовалъ онъ отъ матери, отъ которой перешли къ нему и нервность и впечатлительность. Бывало, Марья Михайловна посадитъ его, еще двухлѣтняго ребенка, къ себѣ на колѣна и начнетъ играть на фортепьяно, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, слушаетъ долго, внимательно, неподвижно, и по щекамъ его такъ и катятся слезы. Онъ любилъ, чтобы мать убаюкивала его всегда одной и той-же пѣсенкой, которая глубоко потрясала его и впечатлѣніе отъ которой осталось съ нимъ на-

*) Поэма „Сашка“.

долго. Ребенокъ сильно привязался къ доброй и прекрасной мамѣ и, можетъ быть, этой привязанностью объясняется то обстоятельство, что память о матери глубоко запала въ душу мальчика, хотя ему не было и трехъ лѣтъ, когда умерла его родная.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньѣ,
И что когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать... *)

Марья Михайловна умерла въ 1817 г., когда ей было всего лишь двадцать одинъ годъ.

Умирая, она поручила матери и сына, и мужа. Елизавета Алексѣевна, страшно потрясенная потерею дочери, первое время старалась строго блюсти предсмертную волю покойной. Она обѣщала отдать Юрью Петровичу Тарханы—имѣнье, считавшееся за дочерью въ приданомъ, и старалась держать себя съ нимъ возможно ласково и любезно. Теперь, послѣ потери дочери, вся любовь ея сосредоточилась на маленькомъ внукѣ.

Разстаться съ нимъ было равносильно для нея смерти. Она боялась больше всего на свѣтѣ, что Юрій Петровичъ увезетъ отъ нея сына, и страстно-любимый мальчикъ будетъ жить и воспитываться вдали отъ нея. Но Юрій Петровичъ хорошо понималъ, что самъ онъ, обладая очень ограниченными средствами, не въ состояніи доставить сыну ни тѣхъ

*) Поэма „Сашка“.

удобствъ, ни того ухода, какіе ожидали его въ домѣ бабушки, и потому легко уступилъ просьбамъ Арсеньевой. Вскорѣ по смерти жены, онъ переѣхалъ къ себѣ въ имѣнье—Кроптовку, Миша же остался у бабушки въ Тарханахъ.

Село Тарханы—Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи—лежало въ сторонѣ отъ большой дороги, закутанное въ густой зелени, надъ которой высился крестъ деревенской колокольни. Барскій домъ въ селѣ, деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный въ желтую краску, окруженъ былъ одноэтажными длинными флигелями, сараями и конюшнями. Съ одной стороны къ дому примыкалъ садъ, расположенный по скату горы. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въ глубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору къ пруду...

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ.
А за прудомъ село дымится,—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями *).

Здѣсь-то, среди этой деревенской природы, среди барскаго чванства и раболѣпнаго угожденія крѣпостныхъ, началась жизнь поэта. Съ каждымъ днемъ привязанность бабушки къ нему возростала. Она полюбила его всѣми силами своей страстной души; онъ сталъ для нея единственнымъ существомъ, для котораго жила, которому посвятила она себя. И всѣ окружающіе должны были жить только Мишей и для Миши. Когда ребенокъ хворалъ, всѣ дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ и имъ наказывали молиться объ исцѣленіи молодаго барина. Когда ребенку было скучно, тѣ же дѣвушки собирались къ нему и развлекали его и ласъ-

*) Стихотвореніе „Первое января“.

ками, и играми, и разсказами. Зимой ему устраивалась гора и вся дворня, отъ мала до велика, потѣшала его тамъ. Святками каждый вечеръ приходили ряженые забавлять молодаго барина, и Елисавета Алексѣевна всѣхъ рядившихся освобождала на время святокъ отъ урочной работы. Такъ же веселились и на Пасхѣ, и въ Троицу, и всегда мальчикъ былъ на первомъ планѣ, повсюду встрѣчая покорность и подобострастіе. Бабушка ничего не жалѣла для баловня внука, соглашалась на всѣ его прихоти, а потому и другими—желанія и капризы ребенка исполнялись немедленно и безпрекословно.

И ребенокъ становился страшно избалованнымъ. Онъ не терпѣлъ ни въ чемъ возраженій и выходилъ изъ себя, если что дѣлали не по немъ. „Семи лѣтъ, онъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея; принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы“ *). Окружавшее его раболѣпіе развивало въ немъ гордость, полная свобода поведенія дѣлала его характеръ независимымъ и своевольнымъ. Никѣмъ не руководимый ребенокъ, по натурѣ страстный, пылкій, воспріимчивый, невольно поддавался дурнымъ влеченіямъ, грубымъ инстинктамъ. У него явилась склонность все портить, губить, разрушать; и этой склонности мальчикъ отдавался съ увлеченіемъ: она забавляла его, доставляла какое-то наслажденіе. „Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ цвѣты,

*) Отрывокъ изъ второй начатой повѣсти Л—ва. Хотя Л—въ въ цитируемыхъ произведеніяхъ и не говоритъ, что описываетъ *свою* жизнь, мы однако считаемъ себя въ правѣ, какъ иллюстрацію, приводить выдержки изъ этихъ произведеній, въ виду того, что находимъ много общаго въ характерахъ самого Л—ва и описываемыхъ имъ героевъ, и въ виду сходства между приводимыми здѣсь подробностями жизни и данными біографіи поэта.

усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу" *). Но тотъ же ребенокъ не могъ равнодушно переносить, когда бабушка расправлялась съ крѣпостными. Онъ напускался въ такихъ случаяхъ и на самое бабушку и на тѣхъ, кто исполнялъ ея приказанія: набрасывался съ палкой, съ ножемъ, съ чѣмъ попало.

На эти рѣзкія выходки ребенка никто не обращалъ вниманія. Только боннѣ-нѣмкѣ, Христинѣ Осиповнѣ Ремеръ, удавалось иногда удерживать мальчика отъ грубыхъ шалостей, и она достигала этого ласковымъ словомъ, убѣжденіемъ. Эта добрая, религіозная женщина старалась внушить мальчику любовь къ ближнимъ, смягчить его характеръ. Она часто занимала его разсказами про рыцарей, разсказами фантастическими, гдѣ фигурировали всевозможныя чудеса и волшебство, страшные образы великановъ, карловъ, драконовъ. Ребенокъ живо воспринималъ все слышанное. Онъ любилъ послушать и бонну, и дворовыхъ дѣвушекъ, которыя разсказывали ему о разбойникахъ, объ ихъ вольномъ, разгульномъ житьѣ. Подъ вліяніемъ всего этого воображеніе мальчика работало усиленно.

Въ своемъ умѣ онъ создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье.

Это былъ міръ грезъ и мечтаній, въ который переносилъ ребенокъ все, что затрогивало его душу, что вызывало въ ней восторгъ и умиленье. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ мальчикъ чутко относился ко всему прекрасному. Онъ часами,

---

*) Тамъ же.

бывало, заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, или на полный мѣсяцъ, свѣтившій въ окно на его дѣтскую кроватку. Онъ любилъ природу и всегда страстно увлекался ея красотами. Живой, пылкій, съ бурнымъ, своевольнымъ характеромъ, онъ съ особенной любовью останавливался на томъ, что отвѣчало его характеру: все могучее, величественное, грозное было особенно по душѣ ему. Разсказы бонны и дѣвушекъ доставляли ему удовольствія, тѣмъ болѣе, что тамъ были и храбрые, воинственные рыцари съ ихъ великими подвигами, и безстрашные разбойники, наводившіе ужасъ своей отчаянной смѣлостью. Могучими образами и величественными, поражающими картинами населялъ мальчикъ и свое воображеніе. Мечты уносили его въ эту жизнь, полную бурь, опастностей, треволненій. «Желалъ я, говоритъ про себя Лермонтовъ, плыть въ моряхъ широкихъ, желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ» *)... И это безпокойное настроеніе съ особенной силой сказалось тогда, когда, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, ребенку пришлось долго пролежать въ постели. Не будучи въ состояніи развлекаться играми, мальчикъ весь отдался своимъ любимымъ грезамъ, и воображеніе стало работать усиленнѣе, рисуя въ противуположность однообразной и скучной дѣйствительности вольную, беззаботную и бурную жизнь.

Этимъ пылкимъ, безпокойнымъ грезамъ ребенка давали пищу и разсказы пріѣзжавшихъ съ Кавказа родственниковъ, которые иногда гостили въ Тарханахъ. Отъ нихъ слышалъ мальчикъ и о величественно грозной природѣ Кавказа и объ отважныхъ битвахъ черкесовъ, то и дѣло тревожившихъ русскія станицы. Ребенокъ восхищался разсказами, унося мыслью въ этотъ

*) Поэма „Корсаръ“.

чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы *).

Но образы и картины, создаваемые воображеніемъ подъ вліяніемъ слышаннаго, были слишкомъ еще туманны, безжизненны, неопредѣленны; опредѣленную форму и жизнь они получили лишь тогда, когда воочію предстали предъ мальчикомъ

Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ **).

Своего разслабленнаго, изнеможеннаго тяжкой болѣзнью внука бабушка привезла въ Пятигорскъ. Чистый, горный воздухъ сталъ быстро возстановлять его силы. Мальчикъ окрѣпъ физически, находясь постоянно вблизи природы, грандіозно-дикими картинами которой упивался со всей присущей ему страстностью. Эта величественная природа Кавказа произвела на него неизгладимое впечатлѣніе. Онъ весь отдался ей, жилъ ея жизнью, какъ бы слился съ нею. „Синія горы Кавказа!...—пишетъ позже юноша Лермонтовъ,—вы взлелѣяли дѣтство мое; вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ“. „Синія горы Кавказа“ пробудили въ душѣ ребенка дремавшія силы и открыли доступъ къ ней чувству еще невѣдомому, неиспытанному. Десятилѣтній мальчикъ узналъ любовь, любовь чистую, невинную, но сильную, со всѣми радостями ея, тоскою, страданьями и тревогами. Въ домъ къ Арсеньевой,

*) Поэма „Мцыри“.
**) Поэма „Измаилъ-бей“.

въ Пятигорскѣ, въ это время часто приходила одна дама съ хорошенькой девятилѣтней дочкой. Бѣлокурые волосы и быстрые голубые глаза этой дѣвочки глубоко поразили воображеніе восторженнаго ребенка, и сердце его забилось горячей любовью, и образъ дѣвочки надолго запечатлѣлся въ душѣ его.

Впослѣдствіи, въ 1830 г., шестнадцатилѣтній Лермонтовъ такъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи на Кавказѣ и объ этой ранней любви, навсегда оставшейся ему памятной:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно васъ помнить, тамъ надо быть разъ!
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ *памятный гласъ*.
За это люблю я утесы тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую о васъ;
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ!
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

Кавказъ произвелъ на мальчика впечатлѣніе неизгладимое. Дикая, величественная природа возбудила въ чуткой ко всему прекрасному душѣ его неизъяснимый восторгъ, чувство глубокаго умиленія, которое, затронувъ дремавшія въ немъ поэтическія струны, съ тѣхъ поръ заставило звучать ихъ пѣснями, сначала робкими, несмѣлыми, потомъ—могучими, грандіозными, плѣнявшими всѣхъ силою своего неподдѣльнаго чувства. Въ пѣсняхъ этихъ громкихъ, энергичныхъ, со временемъ все сильнѣй и сильнѣй звучала одна

струна, струна протеста, недовольства жизнью, обманутыхъ надеждъ, разочарованія. Тяжелая семейная обстановка, гдѣ впервые пришлось столкнуться мальчику съ примѣрами людской злобы, пустоты и безсердечнаго эгоизма, эта обстановка положила начало и недовольству жизнью, и протесту противъ нея, и мрачному настроенію, доходившему иногда до отчаянія.

ГЛАВА II.

Раздоръ между бабушкой и отцомъ поэта.—Тяжелыя послѣдствія раздора, отражавшіяся на мальчикѣ.—Заботы Арсеньевой о внукѣ.—Его воспитаніе.—Гувернеры.—Переѣздъ въ Москву.—Университетскій благородный пансіонъ. — Литературныя занятія. — Первыя попытки творчества.—Успѣхи въ ученьѣ.—Актъ 1829 года.

Добрыя отношенія, установившіяся было вслѣдъ за смертью Марьи Михайловны между Арсеньевой и Юріемъ Петровичемъ, продолжались недолго. Распря возобновилась спустя очень короткое время и на этотъ разъ съ еще большею силой.

Чуть ли не въ первый же пріѣздъ Юрья Петровича въ Тарханы Арсеньева встрѣтила его недружелюбно. Помимо нелюбви къ зятю она боялась теперь, что онъ вздумаетъ отнять у нея мальчика и эту боязливую подозрительность поддерживали въ ней и окружавшіе. И—вотъ въ каждый пріѣздъ зятя Елизавета Алексѣевна или увозитъ внука изъ Тарханъ, или шлетъ гонцовъ за братомъ, Столыпинымъ, чтобъ тотъ пріѣзжалъ защищать ее отъ предполагаемаго нападенія зятя. Понятно, что такое поведеніе Арсенье-

вой только раздражало Юрья Петровича и вызывало на бурныя сцены. На упреки и дикія выходки въ такихъ случаяхъ не скупилась ни та, ни другая сторона. Арсеньева дошла до того, что отказалась отъ своего обѣщанія отдать Юрью Петровичу Тарханы, чѣмъ, конечно, еще больше вооружила его противъ себя и чуть не свела дѣло къ полному разрыву. Но на сторонѣ Арсеньевой была сила, и Юрій Петровичъ долженъ былъ покориться этой силѣ. Не смотря на обиды, какія наносила ему теща, оскорбляя его упреками въ незнатности и бѣдности, ставя его въ унизительное положеніе въ глазахъ всѣхъ домашнихъ, которые въ свою очередь не упускали случая чѣмъ либо досадить ему,—не смотря на все это, Юрій Петровичъ не рѣшился взять отъ Арсеньевой сына, зная очень хорошо, въ какое незавидное положеніе долженъ будетъ поставить мальчика, избалованнаго роскошью и довольствомъ, на одно воспитаніе котораго тратилось до пяти тысячъ въ годъ. Юрій Петровичъ согласился оставить у Арсеньевой Мишу до шестнадцати лѣтъ. Побѣдивъ въ себѣ гордость обиженнаго человѣка, онъ показалъ, что горячо и самоотверженно любилъ сына. За то и сынъ платилъ ему такою же любовью. Съ годами мальчикъ сталъ понимать происходившія на глазахъ его сцены, видѣлъ приниженное, забитое положеніе отца, видѣлъ его страданія и, конечно, все это больно и тяжело отзывалось на впечатлительной душѣ ребенка, въ которой постепенно накоплялась затаенная горечь. И тѣмъ болѣе тяжело было видѣть мальчику такое положеніе отца, что отъ этого страдала и его гордость. Всѣ упреки въ незнатности и бѣдности, относившіеся къ отцу, точно также кололи и его самолюбіе, которое отъ этихъ уколовъ становилось особенно чуткимъ, развилось до болѣзненности. Болѣзненно развившееся само-

любіе дѣлало всякую обиду особенно чувствительной, благодаря чему быстро росло порождаемое обстоятельствами недовольство противъ людей и жизни. Скрытность и несообщительность довершали дѣло. Молчаливый, любившій уединеніе, мальчикъ таилъ въ себѣ волновавшія его чувства и горечь, какую постепенно выносилъ изъ жизни. Эта невысказанная, ни съ кѣмъ не раздѣленная горечь зрѣла по этому быстрѣе, преждевременно омрачая душу и разбивая прекрасныя грезы о счастливой, беззаботной и вольной жизни, которыми прежде увлекался мальчикъ.

И я къ высокому въ порывѣ думъ нѣмыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые!

Такъ вспоминаетъ впослѣдствіи Лермонтовъ объ утраченныхъ грезахъ, съ утратой которыхъ исчезаетъ постепенно и душевный покой дѣтства.

Но для чего—восклицаетъ позднѣе юноша—старался онъ
Такъ отравить ребяческія дни?

По всей вѣроятности, Елизавета Алексѣевна и не подозрѣвала, какъ удручающе—тяжело дѣйствовали на мальчика всѣ эти семейныя дрязги. Заботы ея главнымъ образомъ сосредотачивались на томъ, чтобъ устроить жизнь любимца-внука возможно комфортабельнѣе, чтобъ ея Мишель не нуждался въ тѣхъ удобствахъ, среди которыхъ воспитывались въ то время дѣти богатыхъ дворянъ. Она видѣла, напр., что мальчикъ большую часть времени проводитъ одинъ—и вотъ, чтобъ ему не было скучно, бабушка набираетъ для внука сверстниковъ изъ дворовыхъ дѣтей, съ которыми тотъ дѣлаетъ военныя ученья, играетъ въ войну и разбойниковъ. Арсеньева приглашаетъ также къ себѣ въ Тар-

ханы проводить съ Мишей время двоюродныхъ братьевъ его Пожогиныхъ. И учится мальчикъ не одинъ, а или съ двоюродными братьями, или другими родственниками, Шанъ-Гирей, живущими въ имѣньѣ недалеко отъ Тарханъ. Желая сдѣлать изъ внука вполнѣ свѣтскаго человѣка, Елизавета Алексѣевна выписываетъ въ Тарханы француза-гувернера, Канъ, у котораго Миша учится языку и манерамъ. И этотъ гувернеръ съ цѣлымъ штатомъ родственниковъ Арсеньевой сопровождаетъ мальчика на Кавказъ, куда, по совѣту докторовъ, повезли его лѣчиться отъ золотухи. А по возвращеніи съ Кавказа Кана смѣняетъ новый гувернеръ, французъ Жандро, на этотъ разъ наставникъ болѣе удачный, имѣвшій доброе вліяніе на ребенка.

Полковникъ Наполеоновской гвардіи, раненымъ попавшійся въ плѣнъ въ войну двѣнадцатаго года, Жандро съ тѣхъ поръ оставался въ Россіи, подвизаясь на педагогическомъ поприщѣ. Горячій патріотъ, страстный поклонникъ Наполеона I-го, Жандро разсказывалъ мальчику о великихъ походахъ героя императора, славныхъ битвахъ и самомъ императорѣ, который, въ его разсказахъ, выступалъ окруженный ореоломъ величія и славы. Жандро сумѣлъ подчинить себѣ пылкое воображеніе питомца. Разсказы глубоко запали въ душу мальчика, и личность императора, такъ симпатично обрисованная французомъ-воспитателемъ, привлекла къ себѣ симпатіи и питомца, тѣмъ болѣе, что гордая, свободная, незнавшая преградъ натура Наполеона прекрасно отвѣчала тѣмъ идеаламъ и мечтаніямъ, которые таилъ въ душѣ мальчикъ.

Но при всемъ добромъ вліяніи, какое имѣлъ на Мишу Жандро, обученіе едва ли могло идти успѣшно, такъ какъ самъ Жандро былъ мало подготовленъ къ педагогической дѣятельности, другихъ же наставниковъ достать было трудно.

И бабушка рѣшила везти внука въ Москву, чтобъ опредѣлить въ университетскій благородный пансіонъ.

Переѣхавъ въ Москву вскорѣ послѣ того, какъ мальчику минуло тринадцать лѣтъ, Арсеньева озаботилась пріисканіемъ преподавателя, который долженъ былъ приготовить внука въ пансіонъ. Въ это время Жандро умеръ, и въ домъ на мѣсто покойнаго взятъ былъ еврей Леви, который, впрочемъ, встрѣтивъ недоброжелательный пріемъ со стороны мальчика, спустя короткое время былъ замѣненъ новымъ гувернеромъ, англичаниномъ Виндсономъ. Виндсону поручено было воспитаніе мальчика, занятіями же руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ—одинъ изъ преподавателей университетскаго пансіона, пользовавшійся репутаціей отличнаго педагога. Занятія Миши съ Зиновьевымъ шли успѣшно, такъ что меньше, чѣмъ черезъ годъ, въ 1828 г., Лермонтовъ принятъ былъ въ университетскій благородный пансіонъ въ одинъ изъ старшихъ классовъ, и зачисленъ полупансіонеромъ, что давало ему возможность каждый вечеръ возвращаться домой.

Въ пансіонѣ Лермонтовъ учился хорошо. Занятіями его руководилъ тотъ же Зиновьевъ, сердечно полюбившій своего питомца. Лермонтовъ въ свою очередь также искренно и довѣрчиво относился къ воспитателю. Еще до поступленія въ пансіонъ, занимаясь съ Зиновьевымъ, мальчикъ особенно заинтересовался русской словесностью, которую сталъ изучать съ большою любовью. Онъ ознакомился съ поэзіей Жуковскаго и Пушкина, и въ ихъ поэзіи его опять таки плѣнили излюбленные имъ образы могучихъ, непреклонныхъ, вольныхъ людей и картины роскошной, дѣвственной и величественной природы, которыя очаровывали его на Кавказѣ. Онъ зачитывался «Кавказскимъ Плѣнникомъ», «Цыганами», «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» Пушкина и «Шильон-

скимъ узникомъ» Жуковскаго. Послѣднія двѣ поэмы, должно быть, произвели на мальчика особенно сильное впечатлѣніе, такъ что онъ списалъ ихъ въ тетрадку.

И въ пансіонѣ Лермонтовъ съ такой же любовью продолжалъ занятія словесностью; здѣсь ему это было тѣмъ легче, что на литературныя занятія учениковъ начальство обращало особенное вниманіе. Да и сами воспитанники нерѣдко собирались на общія чтенія, а нѣкоторые изъ нихъ издавали въ рукописный журналъ, въ которомъ желающіе могли принимать участіе. Лермонтовъ не отставалъ отъ товарищей. Знакомство съ поэзіей Пушкина, въ первыхъ произведеніяхъ которой нашелъ онъ откликъ своему бурному, безпокойному настроенію, вызвало къ дѣятельности и его дремавшее творчество, давно искавшее себѣ выхода. Въ упомянутыхъ поэмахъ Пушкина Лермонтовъ натолкнулся на изображеніе тѣхъ самыхъ грезъ и мечтаній, которыя неясно создавало воображеніе еще въ раннемъ дѣтствѣ и которымъ болѣе опредѣленную форму и бо́льшую силу дали кавказскія впечатлѣнія. Поэмы Пушкина представляли для Лермонтова именно тѣ рамки, въ которыя могли вылиться волновавшія его грезы,—и начинающій поэтъ для своихъ первыхъ произведеній беретъ у Пушкина и фабулу, и форму, и многія строфы его стиховъ, только мѣстами передѣлывая и переиначивая ихъ согласно настроенію. Такъ создались первыя его произведенія „Черкесы“ и „Кавказскій плѣнникъ“, которыя являются передѣлкой „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина.

Но уже и въ этихъ первыхъ, подражательныхъ попыткахъ творчества проскальзываетъ сильный поэтическій талантъ. Здѣсь впервые сказывается юношески-пылкое, безпокойное воображеніе мальчика, налагающее на все густыя, яркія краски, не признающее ни мѣры, ни границъ, склон-

ное къ поражающимъ эффектамъ, къ неестественно-сильнымъ страстямъ, ко всему ужасному. И согласно этому, слишкомъ возбужденному настроенію, Лермонтовъ совершенно передѣлываетъ конецъ кавказскаго плѣнника. У него плѣнника убиваетъ отецъ черкешенки, черкешенка бросается въ воду и утопаетъ, а отецъ страшно терзается гибелью дочери, которая преслѣдуетъ его, „какъ призракъ роковой“.

Въ такомъ же духѣ написана Лермонтовымъ, въ первый годъ пребыванія въ пансіонѣ, и другая поэма «Корсаръ», вызванная подражаніемъ «Бахчисарайскому фонтану», «Братьямъ разбойникамъ“ Пушкина и «Шильонскому узнику» Жуковскаго.

Свои первые опыты Лермонтовъ отдавалъ на просмотръ любимому воспитателю, Александру Зиновьевичу, который хвалилъ его стихи и поощрялъ къ дальнѣйшему развитію таланта. Кромѣ Зиновьева мальчикъ очень тепло относился къ учителю рисованія, Солонецкому, занятія у котораго шли такъ успѣшно, что нѣкоторые изъ особенно удачныхъ рисунковъ инспекторъ пансіона хранилъ у себя. Вообще, мальчикъ выказывалъ большую любовь къ искусствамъ, хорошо игралъ на скрипкѣ и прекрасно декламировалъ.

«Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,—разсказываетъ Зиновьевъ,—отличавшагося на пансіонскомъ актѣ 1829 г. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Море» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ-же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ».

ГЛАВА III.

Доброе вліяніе на мальчика А. Ѳ. Мерзлякова.—Раннее развитіе поэта.—Его первыя стихотворенія.—Вліяніе Шиллера.—Пристрастіе къ драмѣ.—Драма „Испанцы".—Ранній опытъ жизни и разочарованія.—Любовь къ Хвостовой.—Стихотвореніе „У вратъ обители святой".

Уроки русскаго языка и словесности теперь бралъ Лермонтовъ у Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова, извѣстнаго поэта и профессора Московскаго университета. Мерзляковъ и на дому давалъ ему уроки и читалъ лекціи въ пансіонѣ, всегда отличавшіяся живостью и увлеченіемъ и имѣвшія большое вліяніе на слушателей. Алексѣй Федоровичъ присутствовалъ также и на литературныхъ собраніяхъ учениковъ, гдѣ своимъ добродушіемъ, простотою и ласковымъ, дружескимъ обращеніемъ привлекалъ къ себѣ общія симпатіи. Лермонтовъ тоже полюбилъ Мерзлякова и, безспорно, остался нечуждъ его вліянія, что доказываютъ, между прочимъ, и слова Арсеньевой, съ горечью высказанныя ею въ то время, когда надъ внукомъ ея стряслась бѣда изъ-за стихотворенія «На смерть Пушкина»: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ? Вотъ до чего онъ довелъ меня».

Права ли была Арсеньева въ этомъ мнѣніи, рѣшать не беремся; во всякомъ случаѣ, доброе, гуманное отношеніе Мерзлякова къ ученикамъ и горячее служеніе дѣлу должны были благотворно дѣйствовать на впечатлительнаго, воспріимчиваго мальчика, способствуя развитію его творческихъ силъ и умственныхъ способностей, которыя уже тогда, не смотря на ранній возрастъ, поражаютъ своею зрѣлостью.

Просматривая стихотворенія Лермонтова, написанныя въ

1829 г., когда ему было всего лишь четырнадцать—пятнадцать лѣтъ, мы видимъ, что мальчикъ внимательно наблюдаетъ проходящія предъ нимъ жизненныя явленія и умъ его работаетъ надъ ихъ выясненіемъ. Существовавшее въ то время крѣпостное право было больнымъ мѣстомъ русской общественной жизни, тяжко тревожившимъ лучшихъ людей того времени. И пятнадцатилѣтняго Лермонтова, видимо, интересовалъ этотъ назрѣвшій вопросъ, и онъ болѣлъ этимъ горемъ своей родины.

„Тамъ,—пишетъ Лермонтовъ въ стихотвореніи «Жалоба турка»—

рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!
Другъ! этотъ край—моя отчизна...

Въ другомъ стихотвореніи «Монологъ» находимъ строфы, близко напоминающія позднѣйшую «Думу» Лермонтова, гдѣ поэтъ бичуетъ юношество за недостатокъ жизни, энергіи и горячности, за тупое равнодушіе и безстрастіе. И въ «монологѣ» юноша скорбитъ, что

Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужь ничто души не веселитъ.

Четырнадцатилѣтній юноша, повидимому, вдумывался и въ жизнь окружающихъ, и въ свою собственную, и его непріятно поражало пустое, безцѣльное времяпровожденіе. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобъ довольствоваться этой безсодержательной жизнью, но въ то же время онъ не могъ совершенно отречься отъ нея: рядомъ съ умствен-

нымъ развитіемъ шло объ руку и развитіе чувства. Еще въ раннемъ дѣтствѣ узналъ онъ любовь. Потомъ, въ отрочествѣ, тринадцати лѣтъ, онъ влюбляется еще разъ, и съ тѣхъ поръ пробудившаяся жизнь чувства овладѣваетъ имъ вполнѣ, и страстность его натуры проявляется и въ творчествѣ, и въ жизни. Юноша самъ сознаетъ, что уже слишкомъ подчинился своимъ страстнымъ влеченіямъ и порывамъ,—и въ прекрасномъ стихотвореніи „Молитва“ (написанномъ въ томъ-же, 1829 г). такъ обличаетъ себя:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьѣ бродитъ
Мой умъ далеко отъ тебя.
. . . . . .
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ тебѣ-жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не тебѣ молюсь.

Разъ вызванныя къ дѣятельности творческія силы Лермонтова постепенно возрастаютъ. Ихъ развитію много способствовало изученіе иностранной литературы, съ которою знакомили мальчика бывшіе при немъ воспитатели. Еврей Леви изучалъ съ нимъ нѣмецкихъ классическихъ поэтовъ: Гете, Шиллера и Лессинга, а Виндсонъ, смѣнившій Леви, знакомилъ его съ твореніями Шекспира и Байрона. Французская же поэзія не по душѣ пришлась Лермонтову. Хотя тогдашнее воспитаніе и основано было на подражаніи всему французскому, и французская литература была въ большой модѣ,—мальчикъ, однако, не только не поддался всеобщему увлеченію,

но даже выражалъ рѣзкое мнѣніе, что въ русскихъ народныхъ сказкахъ болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ. Если, однако, французскіе поэты, за исключеніемъ, можетъ быть, Шатобріана и Ламартина, не производили на Лермонтова впечатлѣнія, то нельзя того же сказать о нѣмецкихъ классикахъ, которыхъ изучалъ онъ съ большимъ интересомъ. Правда, холодно-спокойная, философская, чуждая будничныхъ треволненій поэзія Гете не могла привлечь къ себѣ восторженнаго мальчика, но за то Шиллеръ своей юношеской горячностью, возвышенными идеалами и изображеніемъ могучей, страстной борьбы во имя лучшихъ благъ человѣчества—Шиллеръ, какъ нельзя болѣе, подходилъ подъ тотъ пылкій и бурный характеръ, который проявлялъ мальчикъ уже съ дѣтства. И вліяніе Шиллера сказывается на Лермонтовѣ въ самыхъ первыхъ его произведеніяхъ. Онъ переводитъ изъ Шиллера стихотворенія „Встрѣча“, „Перчатка“ и др., и подъ его вліяніемъ пробуетъ силы на созданіи драматическихъ произведеній. Юношу занимала мысль создать трагедію, потому что именно въ трагедіи онъ нашелъ то, къ чему такъ склонна была душа его, что отвѣчало его страстному, безпокойному характеру. Онъ нашелъ тамъ величественные образы сильныхъ волею людей; передъ нимъ проносились картины полной бурь, тревогъ и опасностей жизни; и сердце его восторженно билось, когда герой, не уступая жестокимъ ударамъ судьбы, падалъ съ мечемъ въ рукѣ во имя преслѣдуемой цѣли. Это было по душѣ Лермонтову и отвѣчало вполнѣ его настроенію. И юноша пристращается къ драматической формѣ, и пробуетъ силы свои въ этомъ родѣ творчества.

Но, избравъ форму, Лермонтовъ не тотчасъ нападаетъ на сюжетъ. Въ его черновыхъ тетрадяхъ 1829 и 30 г.г. находимъ много набросковъ и плановъ различныхъ трагедій, но

ни одинъ, повидимому, его не удовлетворяетъ. Сначала думаетъ опъ писать историческую драму «Мстиславъ Черный», набрасываетъ подробную программу, пишетъ даже стихотворный монологъ, но на этомъ и останавливается. Многіе наброски другихъ задуманныхъ пьесъ постигаетъ та же участь. Наконецъ, воображеніе юноши останавливается на сюжетѣ изъ Испанской жизни. Ни одна страна не могла представить данныхъ, столь удобныхъ для составленія полной ужасовъ, раздирательной драмы. Тутъ и гордый своими предками, закоренѣлый въ сословныхъ предразсудкахъ кастилецъ, и фанатикъ-инквизиторъ, и іезуитъ, и наемный убійца, и всѣми гонимый, еврей; тутъ можно дать волю фантазіи въ изображеніи дикихъ страстей, убійства, зарева инквизиціонныхъ костровъ, и въ тоже время благородной отваги и страстной любви при волшебной обстановкѣ: съ луною и балкономъ. Все, какъ нельзя болѣе, подходило къ восторженно-настроенной, бурной душѣ юноши, и Лермонтовъ, найдя сюжетъ, быстро создаетъ драму «Испанцы».

Драма эта, написанная бѣлыми стихами, дышетъ неподдѣльной искренностью и силою. Правда, краски мѣстами наложены слишкомъ густо, но это не намѣренное преувеличеніе, а слѣдствіе страстнаго, пылкаго характера и сильно развитаго воображенія, которое, не довольствуясь дѣйствительностью, уноситъ мысль далеко за предѣлы ея. „Испанцы“ созданы подъ сильнымъ вліяніемъ Шиллеровскихъ произведеній, въ особенности драмы „Коварство и любовь“, которая въ 1830 г., когда Лермонтовъ писалъ „Испанцевъ“, давалась въ Москвѣ съ участіемъ Мочалова. Лермонтовъ видѣлъ на сценѣ эту пьесу и тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе отъ нея. Но помимо вліянія Шиллера въ „Испанцахъ“ видно заимствованіе и изъ другого классическаго произве-

денія нѣмецкой литературы, — Лессинга «Натана Мудраго». Старый еврей съ дочкою Ноэми и старухой служанкой очень напоминаютъ Натана, его дочь и старую няню. Къ тому же и доброе, гуманное отношеніе Лермонтова къ еврею, и развязка драмы еще полнѣе указываютъ на сильное вліяніе въ данномъ случаѣ Лессинга. Такимъ образомъ, въ свои первыя произведенія переносилъ юноша многое, заимствованное у другихъ поэтовъ, но руководился здѣсь не слѣпой случайностью, а своимъ настроеніемъ.

„Испанцы“ написаны въ концѣ 1830 г. А между тѣмъ еще за долго до ихъ появленія, на произведеніяхъ Лермонтова, постепенно все сильнѣй и сильнѣй, стало отражаться иное вліяніе, вліяніе мрачной поэзіи Байрона, нашедшее себѣ поддержку и въ характерѣ и въ обстоятельствахъ жизни Лермонтова.

Еще въ дѣтствѣ мальчикъ хотѣлъ *„быть въ бояхъ жестокихъ, плыть въ моряхъ широкихъ“*, воображалъ себя рыцаремъ, или разбойникомъ. Величественныя, грозныя картины природы: *„и бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой“* — были ему особенно по сердцу. Кавказъ потому такъ поразилъ мальчика, что онъ увидѣлъ тамъ *„природы дикой пышныя картины“* и потому еще, что это былъ *„чудный міръ тревогъ и битвъ*, гдѣ въ тучахъ прячутся скалы, *гдѣ люди вольны, какъ орлы“*. Того же искалъ мальчикъ и въ произведеніяхъ поэзіи, которыя ему приходилось читать. Онъ останавливается именно на тѣхъ поэмахъ Пушкина, гдѣ описывается эта вольная и бурная жизнь, гдѣ изображаются роскошныя картины величественной южной природы. У Шиллера его привлекаетъ опять могучая, непреклонная сила героевъ, ведущихъ борьбу за великія, общечеловѣческія идеи. Но ни Пушкинъ, ни Шиллеръ, ни Лессингъ, по характеру своей поэзіи, слишкомъ свѣтлому, оптимистическому, не мог-

ли всецѣло увлечь за собою юношу. Въ душѣ его накопилось слишкомъ много горечи, чтобъ могъ онъ свѣтло и весело смотрѣть на жизнь. Обстоятельства вырабатывали взглядъ совершенно противуположный.

Пылкій, экзальтированный юноша, отдававшійся влеченіямъ сердца вполнѣ безотчетно, на первыхъ же порахъ былъ огорченъ людскою холодностью. Въ пансіонѣ онъ съ свойственной ему страстностью и увлеченьемъ отдался дружбѣ. Его воображеніе, можетъ быть, подъ вліяніемъ Шиллера, рисовало ему дружбу, какъ святую, ненарушимую связь, гдѣ отношенія руководятся взаимной любовью, помощью, самоотверженіемъ,—но не то онъ нашелъ на дѣлѣ. Его другъ, Сабуровъ, къ которому привязался онъ всей душою, далеко не отвѣчалъ ему тѣмъ же. „Такихъ друзей, пишетъ юноша, не надо больше мнѣ".

Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчастье,
Или ударъ печальной клеветы;
Но придетъ часъ, и будешь въ горѣ ты,
И не пробудится въ душѣ моей участье.

Эта первая неудавшаяся дружба больно отозвалась въ душѣ юноши. Не надо забывать, что онъ былъ крайне чуткъ и впечатлителенъ, и потому для него всякая неудача была особенно тяжела. Здѣсь же ему пришлось разочароваться въ своихъ завѣтныхъ грезахъ, да къ тому же примѣшивалось и болѣзненное самолюбіе, уязвленное холодностью друга. И у Лермонтова постепенно вырабатывается недовѣрчивое отношеніе къ дружбѣ, которое и высказываетъ онъ въ такихъ стихахъ:

Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ

Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

А рядомъ съ разочарованіемъ въ дружбѣ омрачали жизнь Лермонтова и неудачи въ любви. Любовь была необходимой потребностью его пылкой, страстной души, и онъ такъ говоритъ объ этомъ:

Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая. *Любить*
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

Большинство юношескихъ стихотвореній Лермонтова посвящено любви. Въ нихъ онъ высказываетъ свое глубокое чувство, чувство, большею частью, непонятое, отвергнутое. Какъ относились къ юношѣ тѣ, кого избиралъ онъ предметомъ своего поклоненія, можно видѣть изъ разсказовъ г-жи Хвостовой (рожд. Сушкова), которою одно время сильно увлекался Лермонтовъ.

„У Сашеньки Верещагиной—пишетъ Хвостова—встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати или семнадцати *), съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой“... „Сашенька и я точно мы обращались съ нимъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ“... „Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сантиментальныя разсужденія! а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по

*) Лермонтову было въ то время всего пятнадцать лѣтъ.

его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неоцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ".

Г-жа Хвостова разсказываетъ все это съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Она не понимала простой вещи, что не числомъ лѣтъ опредѣляется развитіе человѣка, а зрѣлостью его способностей. Лермонтовъ, юноша по годамъ, если и не былъ въ то время вполнѣ сформировавшимся человѣкомъ, все же обнаруживалъ уже и тогда не дѣтское пониманіе жизни, сильный талантъ и большой умъ. И напрасно клевещетъ г-жа Хвостова, говоря, что юноша любилъ пускаться *въ самыя сантиментальныя разсужденія*. Ничего сантиментальнаго въ Лермонтовѣ не было, иначе это сказалось бы въ его произведеніяхъ, такъ какъ всѣ чувства свои онъ изливалъ въ стихахъ. Г-жа Хвостова просто не понимала Лермонтова, чѣмъ только и можно объяснить всѣ эти поддразниванья, насмѣшки и уколы самолюбія. Такое отношеніе тѣмъ больнѣе отзывалось на юношѣ, что онъ, не шутя, увлекался Хвостовой, въ то время еще дѣвушкой. Какъ больно задѣта была его чуткая душа этимъ холодно-насмѣшливымъ обращеніемъ, показываетъ созданное имъ тогда глубоко—прочувствованное стихотвореніе: „У вратъ обители святой"...

Вотъ какъ разсказываетъ о происхожденіи этого стихотворенія г-жа Хвостова:

„Мы поспѣшили въ монастырь отслужить молебенъ. На паперти встрѣтили мы слѣпаго нищаго. Онъ дряхлою рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку, всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звукъ монетъ, бѣднякъ крестился, сталъ насъ благодарить, приговаривая: „пошли вамъ Богъ счастіе, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись

онадо мною: наложили полную чашечку камешковъ. Богъ съ ними!"

„Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобъ пообѣдать и отдохнуть. Всѣ суетились около стола въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда, одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ. Окончивъ писать, онъ вскочилъ, тряхнулъ головой сѣлъ на оставшійся стулъ противъ меня и передалъ мнѣ ново-вышедшіе изъ подъ его карандаша стихи":

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

***

Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку.

***

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ *обмануты* тобою.

И въ глубоко-любящемъ сердцѣ юноши, обманутомъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ, постепенно накоплялось и зрѣло разочарованіе, оставлявшее на душѣ ѣдкую горечь, которая окрашивала въ мрачный цвѣтъ міросозерцаніе Лермонтова.

ГЛАВА IV.

Закрытіе университетскаго благороднаго пансіона.—Тяжелыя семейныя обстоятельства поэта.—Разрывъ съ отцомъ.—Смерть отца.—Мрачное настроеніе поэта.—Вліяніе Байрона.

Давно уже ходили слухи, что императоръ, Николай Павловичъ, очень непріязненно относится къ университетскому благородному пансіону*) и господствовавшимъ тамъ порядкамъ, и гроза надъ пансіономъ постепенно собиралась. И вотъ, въ началѣ 1830 г., императоръ посѣтилъ пансіонъ. Государь остался очень недоволенъ нѣкоторыми упущеніями и безпорядками, сдѣлалъ строгій выговоръ начальникамъ, и нѣсколько времени спустя, 29-го марта 1830 г., повелѣлъ закрыть университетскій благородный пансіонъ. Пансіонъ переименовали сначала въ гимназію, а затѣмъ въ дворянскій институтъ, который въ 1848 г. постигла участь одинаковая съ пансіономъ.

Лермонтовъ вышелъ изъ пансіона тотчасъ по закрытіи. Это было въ 1830 г., какъ разъ въ то время, когда въ семьѣ его началась развязка драмы, такъ долго тяготившей юношу и отравившей дни его при самомъ вступленіи въ жизнь.

Теперь произошла послѣдняя борьба между отцомъ и бабушкой.

Юрій Петровичъ, оставивъ сына у Арсеньевой, все же не терялъ его изъ вида, навѣщая и въ Тарханахъ, и въ Москвѣ. Каждый пріѣздъ отца былъ праздникомъ для маль-

*) См. объ унив. благ. пансіонѣ „Русскіе писатели для школъ. В. А. Жуковскій, его жизнь и сочиненія“. Стр. 13.

чика и чрезвычайно его радовалъ. „Папенька сюда пріѣхалъ—пишетъ онъ изъ Москвы къ теткѣ—и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего портфеля; слава Богу, что такими любезными для меня руками". Видно, что мальчикъ очень любилъ отца, хотя это и не могло нравиться Арсеньевой. Изъ юношеской драмы „Menschen und Leidenschaften" (Люди и страсти), представляющей богатый матеріалъ для характеристики отношеній между отцомъ и бабушкой,—видимъ, что Арсеньева принимала всевозможныя мѣры, чтобы вооружить сына противъ отца. Юноша колебался, не зная, чью взять сторону, на чемъ остановиться. Въ душѣ его происходила борьба: съ одной стороны—чувство долга къ отцу, приниженное положеніе котораго вызывало искреннее состраданіе, съ другой—долгъ благодарности предъ бабушкой, такъ самоотверженно его любившей. И юноша склоняется то въ ту, то въ другую сторону. Онъ понимаетъ, что многимъ обязанъ Арсеньевой, но его самолюбіе задѣвалось за живое, когда ему приходилось слышать отъ нея упреки въ безсердечіи и неблагодарности и перечисленіе тѣхъ благодѣяній, какими она осыпала его. Въ порывѣ оскорбленной гордости онъ устами Фернандо въ „Испанцахъ" изливаетъ всю боль и горечь этихъ упрековъ:

Мнѣ скажутъ благодарность, благодарность!
За что?—За то-лѣ, что каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рожденъ
Я въ низкомъ состояньѣ, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше?
За то-ли, что ломоть вседневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?
За это благодарность отъ меня?
О, лучше бы отъ голода погибнуть,
Чѣмъ выносить такія укоризны.

Но, хотя и больно, и тяжело было юношѣ выносить эти укоризны, онъ не въ силахъ былъ покинуть бабушку и идти къ отцу. Онъ зналъ, что это будетъ жестокимъ ударомъ для нея.

Тогда отецъ въ свою очередь осыпаетъ его упреками, которые еще больнѣй ложатся на его душу. Вотъ что влагаетъ Лермонтовъ въ уста своего героя въ „Menschen und Leidenschaften“ въ отвѣтъ на эти упреки. „Такъ, я неблагодаренъ, только не къ вамъ. Я обязанъ вамъ одною жизнью. Возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!..“

Арсеньева сумѣла поселить рознь между отцомъ и сыномъ. Отецъ, глубоко-оскорбленный, внѣ себя отъ гнѣва, проклинаетъ сына. Разрывъ совершается быстро... Юрій Петровичъ навсегда покидаетъ домъ Арсеньевой и, недолго спустя, умираетъ.

Свое глубокое горе отъ понесенной утраты юноша излилъ въ замѣчательно сильныхъ стихахъ, гдѣ оплакиваетъ и потерю отца и его горькій жребій:

Прости, увидимся-ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! И такъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.

Но что ему пхъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья.

А страданья юноши были невыносимо тяжелыми. Событія его жизни истерзали душу, измучили его въ конецъ. Въ отчаяніи, глубоко потрясенный, онъ готовъ былъ наложить на себя руки, разомъ покончить всѣ счеты съ жизнью.

Но, какъ въ молодости Гете, и его спасла отъ смерти сила творчества. Гете излилъ въ своемъ „Вертерѣ“ муки юношески-пылкаго сердца, и Лермонтовъ все горе, всю тяжесть страданій ввѣрилъ своему произведенію—драмѣ Menschen und Leidenschaften, гдѣ обрисовываетъ тяжелую обстановку семейной жизни и всѣ невзгоды, выпавшія ему на долю. Это нѣсколько успокоило юношу, но все же страданія произвели неизгладимое вліяніе на всю его жизнь.

Мы видѣли, что въ отрочествѣ несчастныя семейныя обстоятельства уже оставили печальный слѣдъ на душѣ мальчика, что, какъ онъ самъ говоритъ, они отравили его ребяческіе дни. Теперь, эти обстоятельства, осложнившись еще болѣе, вмѣстѣ со всей обстановкой довершили начатое дѣло, поселивъ въ юношѣ безотрадно-скорбное настроеніе, горькое недовольство людьми и жизнью, недовольство, иногда выражавшееся въ благородномъ гнѣвѣ противъ людскихъ слабостей и пороковъ, иногда же доходившее до мрачнаго отчаянія.

Конечно, ни Пушкинъ, ни Шиллеръ, ни Лессингъ, которыми сначала увлекался мальчикъ, теперь не подходили подъ его настроеніе. Все влекло его къ иной поэзіи, поэзіи бурной, страстной, поэзіи гнѣва и печали, представителемъ которой былъ великій англійскій поэтъ—Байронъ.

Я молодъ (пишетъ Лермонтовъ); но кипятъ
на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ-же муки.
О, если-бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужь я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Ознакомившись съ Байрономъ, Лермонтовъ необходимо долженъ былъ имъ увлечься, потому что произведенія англійскаго поэта отражали на себѣ тотъ же бурный, страстный и мрачный характеръ, какой вырабатывался въ Лермонтовѣ, да и самый этотъ Байроновскій характеръ являлся плодомъ одинаковой обстановки, среды, одинаковыхъ условій жизни у обоихъ поэтовъ.

Для того, чтобы указать это сходство жизни поэтовъ и тѣмъ подтвердить всю законность, естественность и даже необходимость Лермонтовскаго подражанія Байрону, мы и знакомимъ ниже читателей съ жизнью и дѣятельностью великаго англійскаго поэта.

ГЛАВА V.

Краткій очеркъ жизни и литературной дѣятельности Байрона.

Джорджъ Байронъ Гордонъ родился 22 января 1788 г., въ Лондонѣ, среди самой непривлекательной обстановки. Отецъ его, за свою безпутную жизнь и буйство прозванный бѣшенымъ Джекомъ, былъ въ постоянныхъ ссорахъ съ матерью, женщиной безграмотной, дурно воспитанной, на которой женился онъ по разсчету. Небольшія средства, принесенныя женою въ приданое, были прожиты супругами въ очень короткое время, такъ что, когда родился мальчикъ, они не въ состояніи были жить въ Лондонѣ и переѣхали въ свой родной городъ Эбердинъ.

Здѣсь, среди нужды, постоянныхъ ссоръ и дракъ между отцемъ и матерью, текла жизнь ребенка, нисколько не измѣнившаяся и со смертью отца, который умеръ, когда мальчику было три года. Мать по своему любила Джорджа, но, грубая, невоспитанная, не умѣла сдерживать своего страстнаго, буйнаго характера и подчасъ или зацѣловывала ребенка чуть не до смерти, или всячески бранила, била, чѣмъ попало, бросая въ него тарелками, щипцами отъ камина и издѣваясь надъ его хромотою. Ребенокъ былъ хромымъ отъ рожденья.

Недостатокъ этотъ внесъ не мало горя въ воспріимчивую душу мальчика, такъ какъ изъ за хромоты онъ подвергался насмѣшкамъ не одной только матери. Въ школѣ, куда поступилъ онъ пяти лѣтъ, его дразнили товарищи „хромоножкой“ и насмѣхались надъ его матерью, слывшей между сосѣдями сумасшедшей и прозывавшейся „истеричной злюч-

кой". Эти насмѣшки больно отзывались на мальчикѣ, сильно раздражали его, тѣмъ болѣе, что онъ былъ страшно нервнымъ, впечатлительнымъ и самолюбивымъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ было положено основаніе недовольству людьми и раздраженію противъ нихъ, послѣдующія-же обстоятельства не смягчали этихъ чувствъ, а, напротивъ, все болѣе и болѣе развивали ихъ.

На восьмомъ году мальчикъ перенесъ тяжелую и опасную болѣзнь, послѣ которой мать повезла его въ горы—лѣчить козьимъ молокомъ. Здѣсь вольная жизнь на лонѣ природы, величественныя красоты ея, какъ нельзя болѣе, благотворно подѣйствовали и на организмъ и на душу ребенка,—и Байронъ всегда съ восторгомъ вспоминалъ о родныхъ шотландскихъ горахъ, которыя возбудили въ немъ любовь къ природѣ, пробудили къ жизни дремавшее чувство. Съ девяти лѣтъ ребенокъ сталъ уже жить чувствомъ, впервые полюбивъ сильной, невинной любовью маленькую дѣвочку, Марію Дуффъ, которая заняла всѣ его мысли и отъ любви къ которой мальчикъ страдалъ безсонницей. Черезъ два года послѣ того онъ вторично полюбилъ съ такой же силою и такъ же всецѣло свою кузину, Маргариту Паркеръ, которая однако скоро умерла, глубоко поразивъ поэта, до конца жизни хранившаго локонъ подаренныхъ ею волосъ.

Въ это время Байронъ былъ уже лордомъ. Въ 1798 г. умеръ бездѣтнымъ Вильямъ Байронъ, братъ дѣда поэта, и Джоржу, какъ старшему въ родѣ, перешли отъ покойнаго и достоинство пэра, и имѣнья. Имѣнья, правда, были страшно запущены, но все же теперь матеріальныя обстоятельства нѣсколько улучшились, такъ что Байронъ имѣлъ возможность поступить въ одно изъ аристократическихъ учебныхъ заведеній, въ Гарроу. За время пребыванія въ Гарроу мальчикъ пріобрѣлъ довольно солидное литературное

образованіе. Здѣсь же сложился его характеръ, чрезвычайно пылкій, порывистый, неровный, отличавшійся непостоянствомъ и взбалмошными капризами. Но при всемъ томъ онъ обладалъ любящимъ сердцемъ, способнымъ отзываться на все доброе и въ высшей степени увлекающимся. Въ школѣ онъ былъ защитникомъ слабыхъ и младшихъ товарищей, страстно привязывался къ друзьямъ, такъ что и потомъ объ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ онъ самъ говорилъ, не могъ вспомнить безъ біенія сердца. Уже въ то время мальчикъ былъ ярымъ поклонникомъ Наполеона I, передъ геніемъ котораго преклонялся всю жизнь. Когда какъ-то въ школѣ нѣкоторые изъ воспитанниковъ хотѣли разбить стоявшій тамъ бюстъ Наполеона, онъ во что бы ни стало рѣшилъ защитить своего героя отъ поруганія и храбро дрался одинъ противъ нѣсколькихъ, стойко выдерживая нападеніе. Не зная середины въ своихъ привязанностяхъ и влеченіяхъ, пылкій, впечатлительный юноша, въ случаѣ горя, или неудачи, испытывалъ и страданія неимовѣрныя, потрясавшія все существо. Когда въ 1803 г. Байронъ влюбился въ нѣкую богатую дѣвушку, Марію Чаворть, онъ глубоко былъ пораженъ пренебреженіемъ, съ какимъ, какъ онъ узналъ впослѣдствіи, она относилась къ нему. Ему случайно пришлось услышать слова, сказанныя миссъ Чаворть о немъ подругѣ: „неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что меня интересуетъ этотъ хромой мальчишка!“ Слова эти обожгли его, какъ раскаленное желѣзо. Надъ нимъ насмѣялись, его унизили,—и самолюбіе его такъ страдало, что онъ на нѣкоторое время скрылся въ свой родовой замокъ, Ньюстедъ. Понятно, что такая болѣзненная впечатлительность, такая неимовѣрная чуткость тяжело отзывались на душѣ поэта, превращая малѣйшія неудачи въ глубокія страданія, которыя, скопляя недовольство противъ

людей—виновниковъ этихъ страданій, омрачали его взглядъ на жизнь.

По выходѣ изъ школы въ 1805 г. Байронъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ. Жажда жизни, жажда дѣятельности, томившія пылкаго юношу и никѣмъ ненаправляемыя, выразились здѣсь, не находя инаго исхода, въ разгульномъ времяпровожденіи, въ которомъ принимали участіе товарищи его по университету. Въ теченіе двухъ лѣтъ Байронъ задолжалъ 10 тыс. фунтовъ стерлинговъ (100 тыс. рублей), ведя открытую жизнь, пируя вмѣстѣ съ друзьями, или отдаваясь сильнымъ ощущеніямъ азартной игры. Тучный, полнокровный, ко всему тому же хромой, Байронъ въ то время далеко не отличался красотой; напротивъ, былъ неуклюжимъ толстякомъ, которому грозило ожирѣніе. И безъ того страдая отъ своего увѣчья, подававшаго поводъ къ частымъ насмѣшкамъ, самолюбивый юноша рѣшилъ во что-бы ни стало преобразить себя физически.

На двадцатомъ году Байронъ сталъ усиленно заниматься гимнастикой, верховой ѣздой, кулачными боями, морилъ себя голодомъ и принималъ всевозможныя лѣкарства, способствовавшія исчезновенію тучности и жира. Онъ строго выдерживалъ положенную діету, и, хотя она страшно разстраивала его здоровье, за то съ исчезновеніемъ лишняго жира черты лица стали тоньше, кожа пріобрѣла удивительную прозрачность, густые, вьющіеся кольцами темно-каштановые волосы стали мягки, какъ шелкъ. Темноголубые глаза каждую минуту мѣнялись, и то были спокойны, какъ гладкая поверхность моря, то сверкали огнемъ; а голосъ невыразимой, чарующей задушевности, и привлекалъ, какъ прелестнѣйшая музыка.

Ведя безшабашную, разгульную жизнь, Байронъ очень мало времени отдавалъ своему призванію, которое стало

опредѣляться у него въ Кембриджѣ. Изрѣдка онъ пописывалъ стихи, не придавая этому особаго значенія и только по настоянію друзей рѣшивъ издать ихъ въ 1807 году подъ общимъ заглавіемъ «Часы досуга». Это были непритязательныя стихотворенія, обладавшія прекрасной формой и говорившія о любви, о молодыхъ порывахъ и юношескихъ увлеченіяхъ. Публикой „Часы досуга“ были приняты благосклонно, но девять мѣсяцевъ спустя по выходѣ ихъ въ свѣтъ въ журналѣ „Эдинбургское Обозрѣніе“ появилась безъименная статья, написанная въ самомъ презрительномъ тонѣ и направленная противъ молодаго поэта. Статья задѣла за живое Байрона, возбудила въ немъ ярость, которую однако онъ съумѣлъ скрыть до болѣе удобнаго времени. Байронъ переѣхалъ къ себѣ въ Ньюстедъ, гдѣ въ ожиданіи совершеннолѣтія велъ ту же разгульную и эксцентричную жизнь. У воротъ его замка сидѣли на цѣпи волкъ и медвѣдь. Замокъ—постоянно полонъ гостями, которые занимались стрѣльбою въ цѣль и кутежами. Вставали всѣ очень поздно. За обѣдомъ вмѣсто круговой чаши ходилъ по рукамъ человѣческій черепъ, отполированный и оправленный въ серебро. Хозяинъ и гости по временамъ переодѣвались католическими монахами и веселые пиры тянулись далеко за полночь. Байронъ, впрочемъ, продолжалъ упорно лѣченіе голодомъ и въ то же время готовилъ грозный отвѣтъ врагамъ, такъ оскорбившимъ его критикой «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Въ 1809 г., по достиженіи совершеннолѣтія, поэтъ пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы вступить, по праву пэрства, въ палату лордовъ, и привезъ съ собой оконченнымъ этотъ отвѣтъ, немедленно отданный въ печать. И чрезъ нѣсколько дней по вступленіи въ палату, вышла въ свѣтъ эта ѣдкая, гнѣвная сатира подъ заглавіемъ „Англійскіе барды и Шотландскіе обозрѣватели“.

Байронъ выказалъ здѣсь львиные когти. Съ замѣчательной силой и ѣдкостью громитъ онъ и критиковъ, и поэтовъ, и всѣхъ враговъ, не щадя даже опекуна своего, лорда Карлейля, незадолго передъ тѣмъ отказавшагося, не смотря на обычай, ввести Байрона въ палату лордовъ. Юноша излилъ въ сатирѣ накипѣвшую противъ людской несправедливости злобу, но горечь обиды все же осталась. И горечь была особенно чувствительна потому, что всѣ впечатлѣнія жизни отражались на Байронѣ особенно сильно. Когда въ 1814 г. Байронъ смотрѣлъ знаменитаго англійскаго трагика, Кина, въ роли сера Джайльса Оверрича, игра артиста довела его до конвульсій. На представленіи «Мирры» Альфіери съ Байрономъ сдѣлалась истерика, разразившаяся потокомъ слезъ и потрясающей дрожью. «Мое настроеніе, пишетъ Байронъ, безпорядочное и склонное къ бунту, ведетъ ко всякаго рода излишествамъ. Мнѣ не достаетъ метода, чтобы управиться съ мыслями. Можетъ быть, это окончится сумасшествіемъ». «Мысль моя,—говоритъ поэтъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ—будь менѣе дика! Я мыслилъ слишкомъ долго и угрюмо, такъ что мозгъ мой сталъ отъ кипѣнія и усилій бушующимъ моремъ фантазіи и пламени».

Такая сила чувствъ, сила воспріимчивости рано омрачила душу поэта, поселивъ въ немъ сомнѣнія въ возможность добра на землѣ и презрѣніе, и гнѣвъ противъ людей. Много способствовала выработкѣ этого мрачнаго міровоззрѣнія и мать Байрона. Ея взбалмошный, суровый характеръ, ея буйный нравъ немало страданій и горя причинили сыну, который, наконецъ, не выдержалъ, и послѣ бурной, безобразной сцены, когда дѣло дошло даже до драки, порвалъ всякія сношенія съ матерью, окончательно освободивъ себя изъ-подъ ея гнета. Потомъ, послѣ этой сцены, сначала

сынъ а затѣмъ и мать заходили къ аптекарю, предупреждая, чтобъ онъ не давалъ ни тому, ни другому яду. Этимъ и закончились ихъ отношенія. Байронъ рѣшилъ покинуть Англію, гдѣ испыталъ столько горечи и столько душевныхъ мукъ. Въ Іюнѣ 1809 г. онъ сѣлъ на корабль съ тяжелымъ чувствомъ, которое впослѣдствіи такъ обрисовываетъ въ Чайльдъ Гарольдѣ:

Въ прошедшемъ нечего искать,
Въ грядущемъ все темно;
Больнѣй всего, что покидать
Не жаль мнѣ ничего.

Путешествіе длилось съ небольшимъ два года. Путь лежалъ сперва чрезъ Португалію и Испанію въ Албанію, гдѣ Байронъ познакомился съ извѣстнымъ деспотомъ Али-пашею и началъ первую пѣснь Чайльдъ-Гарольда. Объѣхавъ затѣмъ Турцію и Грецію и показавъ силы свои, какъ искуснаго пловца, переплывъ Геллеспонтъ, поэтъ по недостатку средствъ не могъ продолжать путешествія и въ Іюлѣ 1811 г. вернулся въ Англію.

Здѣсь, въ Лондонѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда, къ Байрону пришло извѣстіе о смерти матери. Тогда въ душѣ его совершился переворотъ: утрата матери доказала, что, не смотря на все, онъ горячо любилъ ее. Смерть причинила ему искреннее, глубокое горе и цѣлую ночь Байронъ провелъ у трупа матери. Но онъ не пошелъ провожать покойницу на кладбище; онъ только взглянулъ, когда повезли ее на дрогахъ изъ аббатства, и затѣмъ заперся въ своей комнатѣ.

1812 годъ начался для Байрона среди счастливыхъ обстоятельствъ. 27-го Февраля онъ произнесъ въ палатѣ лордовъ блистательную рѣчь въ защиту рабочихъ, рѣчь, надѣлавшую много шуму, а черезъ два дня послѣ того вышли въ

свѣтъ двѣ первыя пѣсни «Странствованій Чайльдъ-Гарольда». Рисуя въ Чайльдъ-Гарольдѣ самого себя и впечатлѣнія совершеннаго путешествія, Байронъ подкупалъ всѣхъ неподдѣльной искренностью и страстностью чувства. Онъ томимъ тоскою, пресыщеніемъ, разочарованіемъ въ людяхъ и въ жизни. Но онъ еще такъ молодъ, такъ мало озлобленъ, что испытываемыя впечатлѣнія быстро вызываютъ въ немъ юношескій восторгъ при видѣ красотъ природы, преклоненіе предъ классическими памятниками искусства, и мгновенно воспламеняютъ его пылкое сердце страстью къ свободѣ, рыцарству и борьбѣ со зломъ. «Однажды утромъ—пишетъ Байронъ въ дневникѣ—я проснулся и увидалъ себя знаменитымъ». Это произведеніе, первое изданіе котораго было раскуплено въ недѣлю, произвело во всей Англіи чрезвычайное впечатлѣніе. Оно увлекло самихъ враговъ, завистниковъ и пристрастныхъ критиковъ до непритворнаго восторга и поставило автора въ ряду первыхъ литературныхъ знаменитостей. И при этомъ случаѣ обнаружилось, что, не смотря на кору мрачной мизантропіи, такъ сильно, по видимому, сдавившей сердце Байрона, доброжелательство и одобреніе людей, когда оно доставалось на его долю, оказывало на него самое сильное вліяніе. За Чайльдъ-Гарольдомъ быстро послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ произведеній: Гяуръ, Абидосская невѣста, Корсаръ, Лара, Осада Коринѳа и Паризина, гдѣ Байронъ рисуетъ мужественные, непоколебимые, демоническіе характеры, которыхъ не могутъ сломить никакія физическія и нравственныя страданія, и которые смотрятъ на людей и на жизнь съ презрительной усмѣшкой на устахъ.

Успѣхъ Байрона въ обществѣ росъ быстро. Аристократическіе салоны наперерывъ спѣшили овладѣть имъ. Онъ вошелъ въ моду, сталъ львомъ, свѣтскимъ дэнди, которому

подражали, котораго ставили въ образецъ. Его наружность привлекала общее вниманіе; небольшая, стройная голова съ вьющимися волосами,—красивая, всегда открытая шея,—бѣлые зубы,—мелодическій голосъ, — прозрачность кожи, наконецъ, бойкое остроуміе и фантазія, преисполненная неожиданностями, все это производило невыразимо-чарующее впечатлѣніе. Байронъ сталъ баловнемъ всѣхъ: его баловалъ даже самъ регентъ, впослѣдствіи король Георгъ IV. И поэтъ весь отдался этой шумной свѣтской жизни.

Незамѣтно среди всѣхъ удовольствій и развлеченій поэтъ влюбился въ дѣвушку, миссъ Анну-Изабеллу Мильбанкъ, за которую вскорѣ и посватался. Сначала получивъ отказъ, онъ сумѣлъ однако уломать родственниковъ, — и 2-го Января 1815 года состоялась свадьба. Байронъ сдѣлалъ роковой шагъ, который отразился на всей его жизни тяжелыми послѣдствіями. Несходство характеровъ, привычекъ, воспитанія положило начало недоразумѣніямъ между супругами, а разстроенныя матеріальныя обстоятельства довершили дѣло, создавъ быстрый и неминуемый разрывъ. Послѣ рожденія дочери леди Байронъ покинула мужа, взявъ дочь Аду съ собой; и съ тѣхъ поръ супруги больше не видались. 22-го Апрѣля 1816 г. Байронъ послѣ долгихъ оттяжекъ, наконецъ, подписалъ разводъ и три дня спустя навсегда покинулъ Англію. Онъ не могъ долѣе оставаться на родинѣ, такъ какъ общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ него. Байронъ слишкомъ быстро прославился, какъ поэтъ, слишкомъ многимъ насолилъ, какъ сатирикъ, наконецъ, возбудилъ слишкомъ большую зависть и вражду, какъ дэнди, чтобы все это могло пройти ему даромъ. Онъ вооружилъ противъ себя высшее общество эпиграммами и крайнимъ свободомысліемъ, котораго не могъ ему простить особенно средній классъ, зако-

рузлый въ узкой морали, въ жалкомъ педантизмѣ. Когда надъ Байрономъ разразилось несчастье—разрывъ съ женой повыползли изъ норъ всѣ враги его и дѣло дошло до того, что на улицѣ простой народъ грозилъ закидать его грязью. И Байронъ бросилъ отчизну, какъ ни больно было ему разставаться и съ нею, и съ женой, которую онъ, не смотря на все, не переставалъ любить. Эту любовь излилъ онъ въ трогательно-прекрасномъ стихотвореніи „Прости“:

И вѣрь, о, вѣрь! Пылъ страсти нѣжной
Лишь годы могутъ охлаждать;
Но вдругъ не въ силахъ умъ мятежный
Отъ сердца сердце оторвать.

Высадившись на континентѣ, Байронъ поплылъ вверхъ по Рейну, создавая во время путешествія третью пѣснь Чайльдъ-Гарольда, и затѣмъ направился къ Женевскому озеру, на берегахъ котораго прожилъ лѣто вмѣстѣ съ новымъ другомъ своимъ, Шелли. Здѣсь, подъ вліяніемъ мрачнаго настроенія, возникла и вылилась въ форму страшная картина отчаянья „Тьма“, здѣсь-же созданы были „Прометей“, „Шильонскій узникъ“ и начатъ „Манфредъ“.

Явившись осенью въ Италію, Байронъ выбралъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Венецію, гдѣ бросился въ омутъ разгульныхъ наслажденій, окружилъ себя гаремомъ и, казалось, хотѣлъ растратить жизнь и геній въ необузданныхъ оргіяхъ. Но, наперекоръ этому стремленію, его геній съ каждымъ новымъ произведеніемъ являлся все въ большей силѣ и могуществѣ. Байронъ кончилъ послѣднюю, четвертую пѣснь Чайльдъ-Гарольда, написалъ полный живаго юмора разсказъ „Беппо“, „Оду къ Венеціи“ и „Мазепу“. Тогда-же началъ онъ и свое величайшее произведеніе „Донъ-Жуанъ“—это, по словамъ Гете, безгранично-геніальное соз-

даніе, съ ненавистью къ людямъ, доходящею до самой суровой свирѣпости, съ любовью къ людямъ, доходящей до глубины самой нѣжной привязанности.

А между тѣмъ разгульная жизнь постепенно разстраивала здоровье Байрона и даже свела его въ постель. Хотя поэтъ пролежалъ и недолго, но тяжелая болѣзнь оставила неизгладимые слѣды: онъ преждевременно посѣдѣлъ. Въ это-то время, въ 1819 г., его вывела изъ безпорядочной жизни благородная и искренняя привязанность къ встрѣченной въ Венеціи молодой женщинѣ—графинѣ Терезѣ Гвиччіоли. Женщины, которыхъ поэтъ любилъ, всегда могли имѣть на него сильнѣйшее вліяніе,—и Байронъ признавалъ это самъ. Въ его отношеніяхъ къ женщинамъ видна была мягкость и теплая сердечность, и на всѣхъ женскихъ образахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ Байрона, лежитъ глубокая симпатія ихъ автора.

Графиня Гвиччіоли сумѣла воспользоваться этой мягкостью своего друга. Байронъ безъ труда отрекся отъ безпутной жизни и въ январѣ 1820 г. отправился вмѣстѣ съ графиней въ Равенну, гдѣ прожилъ подлѣ нея годъ счастливаго времени, изрѣдка нарушаемаго болѣзненностью. Теперь Байронъ работалъ усиленно. Изъ числа нѣсколькихъ произведеній, написанныхъ имъ въ то время, назовемъ, между прочимъ, трагедію „Сарданапалъ“, которую авторъ посвятилъ „знаменитому Гете, какъ даръ литературнаго вассала своему ленному господину“ и глубоко-мрачную мистерію „Каинъ“, въ которой геній Байрона является во всемъ своемъ поэтическомъ могуществѣ.

Но мирная, спокойная жизнь не могла удовлетворить пылкую, бурную душу геніальнаго поэта; ему необходимы были дѣятельность, волненія, борьба. Байронъ примкнулъ къ образовавшемуся въ то время въ Италіи обществу карбо-

наровъ, имѣвшихъ цѣлью свергнуть ненавистное для итальянцевъ иго Австрійскаго владычества. Заговоръ былъ открытъ, и Байрону пришлось уѣхать изъ Равенны въ Пизу, откуда послѣ неудачнаго изданія журнала «Либералъ» онъ переселился въ Геную.

Въ это время вниманіе Байрона привлекло къ себѣ событіе глубокой исторической важности,—война, начатая греками за освобожденіе отъ турецкой зависимости. Мысль послужить великому дѣлу освобожденія овладѣла всѣмъ существомъ поэта. И мысль эта была тѣмъ болѣе симпатична, что дѣло шло о той великой странѣ, гдѣ нѣкогда такъ высоко стояли науки и искуства, гдѣ процвѣтала независимая, богатая, поэтическая жизнь,

Гдѣ каждый бранный щитъ отважному вѣщаетъ:
Иль съ нимъ, или на немъ!

Байронъ сталъ энергично готовиться къ задуманному предпріятію. Все состояніе свое онъ обратилъ въ деньги, неся вмѣстѣ съ ними и жизнь свою въ жертву великому дѣлу. Прощаясь съ друзьями, поэтъ истерически разрыдался и сквозь слезы проговорилъ, что уже не вернется изъ Греціи. Съ такимъ предчувствіемъ отплылъ онъ изъ Генуи 15-го Іюля 1823 г.

Въ Греціи поэтъ былъ принятъ съ радостью и торжествомъ. На собственный счетъ составивъ бригаду суліотовъ, онъ получилъ начальство надъ частью войскъ. Байронъ не жалѣлъ ни денегъ, ни силъ, посвятивъ всего себя начатому дѣлу. Его не останавливали ни угражающія опасности, ни даже самая смерть. Онъ бодро смотритъ въ лице смерти, и въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи, въ глубоко-трогательной лебединой пѣснѣ, такъ возбуждаетъ въ себѣ и мужество и энергію:

Возстань!.. (не Грецiя, она уже возстала)..
Но ты, душа моя, очнися и возстань;
И, вспомнивъ доблесть тѣхъ, въ комъ кровь моя играла,
Зажгись въ груди моей на брань!
Къ чему-же жить, когда ты юности жалѣешь?
Земля, гдѣ можетъ смерть быть славной, предъ тобой.
Впередъ, и покажи, что ты еще сумѣешь
Погибнуть въ битвѣ, какъ герой.
Ищи, ищи того, что часто въ нашей долѣ,
Не думая найти, находятъ безъ труда, —
Могилу воина; найди ее на полѣ;
И успокойся навсегда.

И Байронъ вскорѣ нашелъ эту могилу. Лихорадочное напряженіе, утомительная дѣятельность, а потомъ и простуда подломили его силы. Болѣзнь шла быстрыми шагами. 19-го Апрѣля 1824 г. поэтъ мужественно встрѣтилъ смерть и умеръ на тридцать седьмомъ году жизни среди полнаго разцвѣта своего генiя.

Смерть Байрона была великимъ и шумнымъ европейскимъ событiемъ. Слава его въ то время укоренилась уже прочно и его вліяніе на всѣхъ мыслившихъ людей Европы было неотразимо. Имя Байрона звучало на устахъ всѣхъ. Произведенiями его страстно зачитывались, потому что въ нихъ выразился духъ времени, духъ отрицанья, сомнѣнья и подчасъ безнадежнаго отчаянiя. Мрачный взглядъ на жизнь, выработанный въ Байронѣ тяжелыми обстоятельствами, поддерживался и событiями общественной жизни, въ то время потерявшей устои. Добрыя начинанiя, высокiя идеи, провозглашенныя французской революцiей 1789 г., на дѣлѣ оказались только иллюзiями, разлетѣвшимися въ прахъ. Положеніе людей, вѣрившихъ въ эти иллюзiи, становилось невыносимо горькимъ и тягостнымъ. Байронъ былъ изъ числа этихъ людей. Его страстная, горячая, любящая душа была

до глубины возмущена тѣмъ равнодушіемъ большинства, съ которымъ отнеслось это послѣднее къ потерѣ своихъ лучшихъ вѣрованій и желаній. И геніальный поэтъ коритъ людей презрѣньемъ, тутъ и тамъ въ своихъ произведеніяхъ бросаетъ въ нихъ гнѣвной сатирой, и подчасъ съ горечью изливаетъ свое отчаяніе и въ людяхъ, и въ жизни. Это отчаяніе ведетъ къ полнѣйшему отрицанію всего существующаго, къ невѣрію въ возможность какого-либо совершенства на землѣ, къ сомнѣнію даже въ самомъ началѣ добра, какъ источникѣ этого несовершенства. Началу добра противупоставляется начало зла, побѣжденное и потому названное зломъ, но, на самомъ дѣлѣ, составляющее источникъ полнаго знанія, полнаго счастія и полнаго неограниченнаго бытія. Таково было міровоззрѣніе, высказанное Байрономъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ. Но, не смотря на такой всеотрицающій взглядъ, поэтъ не могъ вполнѣ отречься отъ жизни и ея треволненій. Напротивъ, пылкій и впечатлительный, онъ близко къ сердцу принимаетъ всѣ явленія жизни. Отрадныя событія заставляютъ восторженно биться это горячее сердце, и тогда поэтъ могучими, пламенными стихами взываетъ къ дѣятельной борьбѣ съ гнетущими обстоятельствами, къ самоотверженію ради великихъ цѣлей. Байронъ былъ своего рода европейскій Тиртей, въ часъ страшнаго утомленія возбуждавшій людей къ дѣятельности и гимнами всему великому и пѣснями гнѣва и печали.

ГЛАВА VI.

Байронъ—властитель думъ поэта. — Отраженіе Байроновской поэзіи на произведеніяхъ Лермонтова.—Жизнь поэта въ Середниковѣ послѣ выхода изъ пансіона.—Саркастическое настроеніе поэта. Поступленіе въ Московскій университетъ.

Въ одной изъ тетрадей Лермонтова 1830 г. находится слѣдующая замѣтка: «Когда я началъ марать стихи въ 1828 г., я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ; они еще и теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ тоже: *это сходство меня поразило*»! Черезъ нѣсколько стихотвореній опять замѣчено: «Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человѣкъ и будетъ два раза женатъ; про меня на Кавказѣ предсказала то же самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ такъ-же несчастливъ, какъ Байронъ".

Байронъ сталъ властителемъ думъ юноши Лермонтова.

Уже при первомъ знакомствѣ съ великимъ англійскимъ поэтомъ, Лермонтова подкупило въ его пользу изображеніе бурныхъ страстей, страшныхъ картинъ отчаянно смѣлой борьбы, которую ведутъ герои Байрона. Лермонтову по душѣ пришлись эти образы и картины. Еще съ дѣтства склонный ко всему поражающему, ужасному, онъ съ восторгомъ откликнулся на мрачныя звуки Байроновской поэзіи, въ которой все привлекало его: и непобѣдимая, непреклонная сила героевъ, и ихъ могучій протестъ противъ жизни, не дававшей простору ни сильнымъ умамъ, ни сильнымъ характерамъ, и, наконецъ, невыносимыя, ужасныя страданія этихъ героевъ, гнетущія муки сердца и терзанія ума.

Найдя въ Байронѣ откликъ своимъ давнишнимъ мечтамъ и грезамъ, юноша постепенно проникается и тѣмъ всеотрицающимъ взглядомъ на жизнь, которымъ дышетъ большинство произведеній Байрона. Много стихотвореній первыхъ годовъ, видимо, создано подъ этимъ вліяніемъ. Лермонтовъ съ особенной любовью останавливается на одной мысли: онъ воображаетъ себя страшнымъ злодѣемъ, преступникомъ, котораго общество отвергаетъ, отъ котораго отворачивается весь міръ, а онъ гордый, равнодушный къ презрѣнью людей, смѣло кладетъ голову на плаху.

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный—
Я кончу жизнь мою.

И далѣе:

...вѣсть кровавая промчится
О гибели моей
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей.

Этотъ мотивъ повторяется въ произведеніяхъ Лермонтова 1830—31 гг. нѣсколько разъ и поэтъ самъ сознается, что это—его любимыя мечты.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ . . . . . .
. . . . . Любимыя мечты
Мои подобны этимъ...

заканчиваетъ Лермонтовъ стихотвореніе.

И подъ вліяніемъ такихъ мрачныхъ мечтаній, проникнутый духомъ всеотрицающаго протеста, Лермонтовъ про-

буетъ силы на созданіи могучаго образа Демона, „избранника зла“, олицетворяющаго собою ту сатанинскую силу, тотъ всеотрицающій протестъ, которые такъ по душѣ пришлись юношѣ. Образъ Демона, видимо, сильно занимаетъ его. Онъ началъ писать эту поэму еще въ 1829 г. и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ передѣлываетъ ее. Во второмъ очеркѣ „Демона“, написанномъ въ 1830 г., въ послѣднихъ строфахъ Лермонтовъ высказываетъ, что въ созданномъ имъ образѣ много сходства съ нимъ самимъ. Поэтъ является здѣсь именно такимъ, какимъ представлялъ себя и въ вышеупомянутыхъ стихотвореніяхъ:

Какъ демонъ мой, *я зла избранникъ*,
Какъ демонъ, *съ гордою душой*,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

Вліяніе Байрона тѣмъ сильнѣе сказывается на юношѣ что тяжелыя семейныя обстоятельства, все время угнетавшія его, какъ нельзя болѣе, способствовали духовному сближенію Лермонтова съ Байрономъ. Мы видѣли, что вся обстановка жизни, при пылкомъ, впечатлительномъ характерѣ поэта, вела его къ разочарованію и постепенному озлобленію противъ людей. Терзавшія его муки Лермонтовъ излилъ въ драмѣ „Menschen und Leidenschaften“, а свой взглядъ на людей такъ высказалъ въ предисловіи къ драмѣ „Странный человѣкъ“, написанной въ 1831 г.: „Справедливо-ли описано у меня общество, не знаю; по крайней мѣрѣ, оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня».

Лермонтовъ вправѣ былъ относиться подобнымъ обра-

зомъ къ обществу, послѣ всего, что перенесъ онъ въ семьѣ, послѣ того, какъ не разъ пришлось обмануться ему въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Часто мрачное настроеніе такъ сильно овладѣвало поэтомъ, что онъ уходилъ въ уединенныя мѣста—въ лѣсъ, въ поле, на кладбище, или проводилъ мучительно-безсонныя ночи, плодомъ чего являлись произведенія безисходнаго отчаянія.

Но сила молодости, полная жизни натура поэта выводила его изъ этого мрачнаго настроенія. Къ тому же послѣ выхода изъ пансіона живя лѣто въ „Середниковѣ“, подмосковномъ имѣньѣ своего дяди, юноша находилъ развлеченіе и въ окружавшемъ его обществѣ. Онъ проводилъ большую часть времени среди барышенъ, между которыми особенною симпатіею поэта пользовались его двоюродная сестра, Сашенька Верещагина, и ея подруга, Катя Сушкова (впослѣдствіи Хвостова), къ которой Лермонтовъ былъ тогда неравнодушенъ. Мы уже говорили, какъ больно и тяжело отозвалось на юношѣ полу-снисходительное отношеніе Сушковой къ своему поклоннику. Позднѣе Лермонтовъ признавался, что ея кокетство заставляло проливать его слезы, „заставило страдать сердце ребенка“.

Можетъ быть, страданія сердца и были причиною той злостной насмѣшливости и язвительности, къ которымъ такъ часто прибѣгалъ Лермонтовъ. Горечь обидъ, часто уязвляемое самолюбіе поселяли въ душѣ недовольство и озлобленіе, которое находило себѣ удовлетвореніе въ острыхъ уколахъ, нещадныхъ насмѣшкахъ, въ желаніи выместить на другомъ терзавшія муки. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ дѣтствѣ болѣзненно-нервный ребенокъ находилъ наслажденіе въ своей страсти къ порчѣ и разрушенію. Эта страсть, не только не сдерживаемая, а напротивъ, находившая удобную почву для развитія въ обстоятельствахъ жизни Лермонтова,

теперь нерѣдко высказывалась въ злостномъ желаніи досадить, подсмѣяться, подразнить человѣка. Остроуміе Лермонтова бывало подчасъ очень ѣдкимъ. Онъ часто подсмѣивался напр., надъ нѣкими братьями Фее, которыхъ для отличія называлъ одного Fé-nez-long, а другаго Fé-nez-court. „Одинъ разъ, пишетъ г-жа Хвостова, Лермонтовъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ, въ стихахъ, или въ прозѣ, что-нибудь такое, что-бы приходилось кстати. Онъ началъ съ Сашеньки:

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже,
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все тоже.

Потомъ дошла очередь до меня. У меня чудные волосы; я ихъ носила просто заплетенные въ огромную косу, которая два раза обвивала голову.

Вокругъ высокаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яспѣе дня, черпѣе ночи.

Къ обыкновенному нашему обществу присоединился въ этотъ вечеръ необыкновенный родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ и глупъ, и рыжъ, и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словцемъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: Vour êtes Jean, vour êtes Jacques, vour êtes roux, vous êtes sot et cependant vour n'êtes point Jean Jacques Rousseau.

Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по Чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для

нея и въ воспоминаніе написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и, чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости, сказалъ: ну, хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду. Сосѣдка быстро принесла бумагу и перо; онъ началъ:

Три граціи...

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула:

— Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, я правды хочу.

— Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре.

За такую сцену можно было бы платить деньги. Злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean Jacques — все представляло комическую картину"...

Такъ при случаѣ умѣлъ уязвить и уколоть Лермонтовъ, и на подобныя саркастическія выходки не скупился. Въ его стихотвореніяхъ, писанныхъ въ 1830 г., встрѣчается много эпиграммъ на разныхъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Между прочимъ вотъ какъ подсмѣялся онъ надъ одной „очень ему извѣстной старухой", которая плакала надъ Грандисономъ:

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, незнающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной, и—
Отъ романтическихъ старушекъ.

Лермонтовъ проводилъ время въ Середниковѣ весело, въ частыхъ прогулкахъ въ обществѣ барышенъ, въ играхъ и

забавахъ съ ними, и въ усиленномъ чтеніи Байрона. Онъ много писалъ въ это время, много работалъ мыслью надъ прочитаннымъ. Время пребыванія въ пансіонѣ и послѣдующіе два года были лучшими годами его жизни въ томъ отношеніи, что тогда онъ подготовлялъ себя къ литературной дѣятельности, тогда жилъ интересами образованнѣйшей части общества и искренно, и горячо отзывался на всѣ возникавшіе вопросы времени. Понятно, что при такомъ серьезномъ отношеніи поэта къ жизни, юноша не могъ удовольствоваться тѣмъ сравнительно скуднымъ образованіемъ, какое получилъ въ пансіонѣ. Въ томъ же, 1830 г., когда Лермонтовъ вышелъ изъ пансіона, онъ, послѣ проведенныхъ въ Середниковѣ каникулъ, въ августѣ поступилъ въ Московскій университетъ.

ГЛАВА VII.

Московскій университетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ.—Серьезныя занятія и шалости студентовъ.—Воспоминанія Вистенгофа о пребываніи Лермонтова въ университетѣ.—Отчужденность Лермонтова отъ товарищей.—Свѣтскій кругъ знакомыхъ.—Маловская исторія въ университетѣ.—Холера въ концѣ 1830 года.—Выходки Лермонтова противъ профессоровъ.—Выходъ изъ университета.

Святое мѣсто!.. Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,

Ихъ сюртуки висящіе клочками.
Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяясь чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!..

Такъ вспоминаетъ впослѣдствіи Лермонтовъ свои университетскіе годы.

Въ то время Московскій университетъ воспитывалъ въ стѣнахъ своихъ много такихъ людей, которые стали впослѣдствіи видными дѣятелями. Здѣсь были: Бѣлинскій, К. Аксаковъ, Станкевичъ, и др. Это была одна изъ наиболѣе плодотворныхъ эпохъ въ жизни университета, хотя читавшіе тогда профессора не отличались ни особенной ученостью, ни талантливостью. „Странное дѣло!—говоритъ К. С. Аксаковъ,—профессора преподавали плохо, студенты не учились, мало почерпали изъ университетскихъ лекцій, но души ихъ, не подавленныя форменностью, были раскрыты, и всетаки много вынесли они изъ университета. Развивало общее веселье молодой жизни, чувство общей связи товарищества; слышалось, хотя и безсознательно, что молодыя силы эти собраны во имя науки, во имя высшаго интереса истины“.

Интересъ къ наукѣ проявлялся, между прочимъ, и въ стремленіи многихъ студентовъ составлять кружки, гдѣ шли ожесточенные споры о живыхъ вопросахъ времени, гдѣ вырабатывались воззрѣнія на міръ, на жизнь, на искусство. Эти серьезныя занятія не мѣшали, однако, студентамъ, при случаѣ, подурить и пошкольничать, выказывая и здѣсь пол-

ное единодушіе. Въ университетѣ особенно недолюбливали профессора словесности Побѣдоносцева, у котораго обязаны были слушать лекціи студенты перваго курса всѣхъ отдѣленій. Съ Побѣдоносцевымъ, большею частью, и устраивали шутки. Такъ однажды во время его лекціи кто-то выпустилъ воробья. Воробей принялся летать, а студенты, какъ бы въ негодованіи на такое нарушеніе приличія, вскочили и принялись ловить его. Поднялся шумъ и остановить ревностное усердіе было дѣломъ нелегкимъ. Въ другой разъ, когда Побѣдоносцевъ, читавшій лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію, студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и, только показался Побѣдоносцевъ, грянули: „Се женихъ грядетъ въ полунощи“! А иногда разыгрывалась такого рода сцена: Обычный шумъ въ аудиторіи прекращался и водворялась глубочайшая тишина. Преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать, но тишина эта была самая коварная,—раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка, или какой-нибудь другой танецъ, и профессоръ останавливался въ недоумѣніи. Музыка замолкала и за нею слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ.

До введенія новаго устава 1836 г. университетъ раздѣлялся на четыре отдѣленія: нравственно-политическое, физико-математическое, врачебное и словесное. Лермонтовъ поступилъ въ нравственно-политическое отдѣленіе, считавшееся между студентами наименѣе серьезнымъ, но оставался на немъ недолго. Онъ перешелъ вскорѣ въ словесное отдѣленіе, которое болѣе соотвѣтствовало его вкусамъ и направленію. Посѣщая лекціи, кажется, довольно аккуратно, онъ не сходился, однако, съ товарищами, держалъ себя отъ нихъ въ сторонѣ. „Мы стали замѣчать, пишетъ г. Вистен-

гофъ, бывшій съ Лермонтовымъ на одномъ курсѣ,—что въ средѣ нашей аудиторіи одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ не интересовался, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи, у окна; по обыкновенію, подпершись локтемъ, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора. Онъ былъ небольшаго роста, некрасиво сложенъ, смуглъ лицомъ, имѣлъ темные, приглаженные на головѣ и вискахъ волосы и пронзительные сѣрые большіе глаза, презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, приклекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же неприступныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали. Такое обособленное, исключительное поведеніе возбудило толки. Каждому хотѣлось ближе узнать этого человѣка и заставить высказаться".

„Однажды студенты, продолжаетъ г. Вистенгофъ, близко ко мнѣ стоявшіе, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе". Предлогомъ для разговора избрали вопросъ, какую книгу читаетъ Лермонтовъ. „Не долго думая, я отправился.—Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя-ли ею подѣлиться и съ нами?—обратился я къ нему не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу,

я успѣлъ только распознать, что она была англійская. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій непривѣтливый взглядъ.—Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего,— отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю позу и продолжая читать. Какъ ужаленный, бросился я отъ него".

Конечно, наивно было со стороны г. Вистенгофа обращаться къ совершенно незнакомому человѣку съ подобнымъ вопросомъ, но во всякомъ случаѣ разсказъ его доказываетъ нелюдимый, несообщительный характеръ Лермонтова, сторонившагося отъ всякаго сближенія и отталкивавшаго людей, мало знавшихъ его, своимъ надменнымъ и презрительно-саркастическимъ отношеніемъ. Лермонтовъ не сблизился ни съ кѣмъ изъ университетскихъ товарищей, ведя свою обособленную жизнь въ томъ свѣтскомъ кругу, въ который ввела его бабушка. „Внѣ стѣнъ университета, говоритъ г. Вистенгофъ, Лермонтовъ точно также чуждался насъ. Онъ посѣщалъ великолѣпные балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ сообществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышенъ, къ коимъ относился такъ же фамильярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ, во фракахъ со звѣздами, или ключами на зади, прохаживавшимся съ нимъ по заламъ". Кругъ студентовъ, съ которыми проводилъ время Лермонтовъ, былъ не великъ. То были большею частью товарищи по университескому пансіону, или молодые люди изъ свѣтскаго общества бабушки и ея многочисленной родни. Время проходило въ этомъ обществѣ въ различныхъ удовольствіяхъ, вечерахъ, балахъ и попойкахъ.

Лермонтовъ съ увлеченіемъ отдавался такому времяпровожденію, смѣнявшему тяжелые часы мрачнаго раздумья и глубокой тоски, которую изливалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, не находя никого среди окружавшаго общества, съ кѣмъ могъ бы подѣлиться волновавшими его чувствами. Нелюдимость и недовѣріе къ людямъ не позволяли ему сближаться съ университетскими товарищами, среди которыхъ могъ бы онъ найти и сочувствіе, и поддержку. Онъ оставался все время одинъ съ своими затаенными мыслями и чувствами, только по виду принадлежа тому свѣтскому обществу, которое въ душѣ презиралъ и отъ котораго не могъ отречься благодаря воспитанію, полученному у бабушки.

Но, если Лермонтовъ и чуждался товарищей по аудиторіи, не сходился съ ними,—онъ, тѣмъ не менѣе, не отставалъ отъ нихъ, когда дѣло касалось всѣхъ, когда предпринималось что нибудь сообща. Лермонтовъ раздѣлялъ съ другими чувство общей связи товарищества. И это выказалось въ извѣстной Маловской исторіи, происшедшей въ 1831 г.

Профессоръ Маловъ читалъ на этикополитическомъ отдѣленіи теорію уголовнаго права. Студенты его не любили за его назойливый, придирчивый характеръ. Однажды, когда Маловъ, началъ лекцію, по обыкновенію, своей любимой фразою: „человѣкъ, который“... студенты, которыхъ набралось на этотъ разъ изъ другихъ отдѣленій цѣлая масса, зааплодировали, затопали и закричали: «fora! прекрасно!».

Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и съежившись сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ; его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ калоши.

Послѣднее обстоятельство было важно, на улицѣ дѣло получило публичный характеръ и студентамъ, къ которымъ вообще въ то время относились строго, могло придтись очень худо. Особенно грозила опасность тѣмъ изъ участниковъ, которые пришли въ аудиторію изъ другихъ отдѣленій въ качествѣ вспомогательнаго войска. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Лермонтовъ. Сидя поздно вечеромъ въ комнатѣ своего товарища Поливанова, Лермонтовъ, въ ожиданіи рѣшенія, рисовалъ себѣ излюбленную картину гоненія, которое ждетъ его, „мрачнаго изгнанника“. И изъ подъ пера его вылилось такое стихотвореніе:

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный;
И будешь ты когда нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчей и... тайно грудь
Вздохнетъ и вдругъ заплачутъ очи,
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ, тоскою удрученъ,
И ждалъ судьбы своей рѣшенье.

Но университетское начальство не дало хода дѣлу. Оно ограничилось собственными средствами, подвергнувъ нѣкоторыхъ студентовъ заключенію въ карцеръ. Лермонтовъ, кажется, избѣжалъ всякаго взысканія.

Такъ текла жизнь Лермонтова въ бытность его въ московскомъ университетѣ, въ которомъ обучался онъ, однако, недолго. Поступивъ въ 1830 г., онъ осенью того же года долженъ былъ прекратить посѣщеніе лекцій, такъ какъ,

вслѣдствіе спирѣнствовавшей въ то время холеры, университетъ былъ закрытъ. Лекцій не читали до 12-го Января 1831 года.

Когда, наконецъ, послѣ торжественнаго молебствія, снова начались лекціи, чтеніе шло безпорядочно. Въ городѣ холера невполнѣ прекратилась; ни профессора, ни студенты еще не могли войти въ обычную колею, да и не всѣ были на лицо; такъ что на этотъ разъ весеннихъ переводныхъ экзаменовъ не было и всѣ студенты остались на прежнихъ курсахъ.

Лермонтовъ, такимъ образомъ, потерялъ цѣлый годъ.

А между тѣмъ отношенія его къ университетскому начальству, косо смотрѣвшему на него послѣ Маловской исторіи, съ послѣдующими обстоятельствами обострялись все болѣе и болѣе.

На второй годъ пребыванія Лермонтова въ университетѣ, передъ рождественскими праздниками, ему пришлось сдавать полугодовыя испытанія, отвѣты на которыхъ брались въ соображеніе при публичныхъ переходныхъ экзаменахъ. „Профессоръ Побѣдоносцевъ, разсказываетъ г. Вистенгофъ, задалъ какой то вопросъ Лермонтову. На этотъ вопросъ Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ, сказавъ:

— Я вамъ этого не читалъ, я бы желалъ, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, г. профессоръ, отвѣчалъ Лермонтовъ, вы намъ этого не читали, и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь

научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

Мы переглянулись. Отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ уже и прежде профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику".

Понятно, что подобныя выходки Лермонтова только раздражали профессоровъ и ставили поэта въ натянутыя отношенія къ университетскому начальству. Неизвѣстно почему, но дѣло сложилось такъ, что продолжать ученіе въ московскомъ университетѣ Лермонтову оказалось неудобнымъ, и 1-го Іюня 1832 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи и выдачѣ свидѣтельства для перехода въ Спб. университетъ.

ГЛАВА VIII.

Творческая дѣятельность Лермонтова во время пребыванія въ университетѣ.—Его отзывчивость на современные вопросы.—Неустойчивость его взглядовъ.—Стихотворенія: „Волны и люди", „11-го Іюня 1831 г.", „Отворите мнѣ темницу".—Поэмы Лермонтова.—„Измаильбей".—Взглядъ Лермонтова на современную жизнь.—Его идеалы.—Стихотвореніе „Ангелъ".—Фатализмъ Лермонтова.—Общій характеръ его поэзіи и выработанныхъ имъ воззрѣній.—Стихотвореніе „Парусъ".

Время, когда находился Лермонтовъ въ университетѣ, отличалось особенной оживленностью среди учащейся молодежи, проникнутой лучшими стремленіями и чутко-отзывчивой на возникавшіе вопросы. Молодежь эта въ кружкахъ среди горячихъ споровъ и толковъ, подъ вліяніемъ проникавшихъ въ нее европейскихъ идей, вы-

вала свое міровоззрѣніе, усваивала опредѣленные взгляды на міръ, жизнь и искусство. Жадно слѣдила она и за происходившими въ то время, въ 1830 г., французскими событіями, и тогдашніе выдающіеся дѣятели Франціи привлекали ея горячія симпатіи. Отзывалась молодежь и на современныя общественныя явленія русской жизни, гдѣ особенно занималъ ее одинъ вопросъ, все болѣе и болѣе назрѣвавшій,—крѣпостное право. Этимъ вопросомъ тяготились и болѣли лучшіе люди того времени. Среди молодежи онъ вызывалъ безконечные споры, и разрѣшеніе его было общимъ страстнымъ желаніемъ.

Хотя Лермонтовъ и не сошелся ни съ кѣмъ изъ университетскихъ товарищей, онъ, однако, остался нечуждъ вѣяніямъ времени и на немъ отразились точно также желанія и увлеченія тогдашней молодежи. Подъ вліяніемъ происходившихъ во Франціи событій онъ пишетъ стихотворенія „Опять вы, гордые“... и „Парижъ 30 Іюля“. Онъ задумывается также надъ судьбами своего отечества, и въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ крайностями, разражается рѣзкими нападками на текущую общественную жизнь. Къ такимъ произведеніямъ относятся стихотворенія, посвященныя Новгороду, «Предсказаніе» и большая, неоконченная повѣсть (Вадимъ). Лермонтовъ въ это время съ большимъ сочувствіемъ относился къ простому народу, и иго крѣпостнаго права, тяготѣвшее надъ этимъ народомъ, часто глубоко возмущало его. Въ драмѣ «Странный Человѣкъ», написанной во время пребыванія въ университетѣ, онъ устами своего героя, Владиміра, такъ изливаетъ давно накипѣвшую горечь, вызванную тяжелыми явленіями крѣпостнаго права:

(Крестьянинъ жалуется другу Владиміра на жестокое обращеніе барыни).

«Люди, люди!.. восклицаетъ Владиміръ — и до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство,—все куплено кровавыми слезами! Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ!.. О, мое отечество, мое отечество!»

Такъ отзывался Лермонтовъ на живые вопросы времени, которые, видимо, возбуждали въ немъ искренній интересъ. Университетская обстановка много способствовала выработкѣ въ немъ серьезнаго отношенія къ жизни, такъ что хотя юноша и увлекался подъ-часъ окружавшей его свѣтской, безсодержательной средою, все же въ глубинѣ души хранилъ добрыя влеченія, и на немъ отражались желанія и стремленія лучшей части тогдашняго общества.

Но это были только отраженія, не вошедшія, говоря фигурально, въ плоть и кровь его, не усвоенныя имъ вполнѣ.

Оставаясь всегда самъ съ собою, не любя ни съ кѣмъ дѣлиться своими задушевными мыслями, юноша будто намѣренно избѣгалъ разговора о серьезныхъ предметахъ, не хотѣлъ искать общества людей равныхъ умственныхъ силъ и понятій. Имъ руководило въ этомъ случаѣ отчасти недовѣріе къ людямъ, щепетильность болѣзненнаго самолюбія отчасти гордое желаніе самому выработать свои идеи, рѣшить сомнѣнія, создать идеалы. И предоставленный только самому себѣ, онъ не справился съ этой трудной задачей. Онъ уклонился отъ того пути, который былъ намѣченъ имъ въ только что приведенныхъ произведеніяхъ и выработалъ свое особое міровоззрѣніе, совершенно чуждое общественныхъ интересовъ и потребностей,

И тяжелая семейная обстановка, и горечь обманутыхъ

чувствъ и перенесенныхъ обидъ при первомъ вступленіи въ жизнь, удручающе дѣйствуя на крайне впечатлительную душу юноши, поселили въ немъ озлобленіе противъ людей, недовольство ими, что вмѣстѣ вело къ сомнѣнію въ правильности и разумности текущей жизни. Рано попавшійся въ руки Байронъ, силою своего скептицизма и отрицанія подрывавшій весь строй европейской жизни, какъ бы рыснялъ и подтверждалъ юношѣ выносимыя имъ изъ жизни впечатлѣнія. И въ юношѣ укореняется безотрадный взглядъ на людей, которые представляются ему холодными, безчувственными, ничтожными, и взглядъ этотъ упорно проводитъ онъ въ своихъ произведеніяхъ и, между прочимъ, такъ иллюстрируетъ его въ стихотвореніи „Волны и люди“, написанномъ въ 1831 году:

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей.
Люди хотятъ имѣть души... И что же?
Души ихъ волнъ холоднѣй.

Эта ничтожность и холодность людей возмущали юношу и возмущали тѣмъ болѣе, что въ себѣ онъ чувствовалъ, какъ впослѣдствіи выразился о Печоринѣ, «силы необъятныя“, искавшія выхода, искавшія великой дѣятельности.

Мнѣ нужно дѣйствовать;—пишетъ онъ 11 іюня 1831 г.—

я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать-бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь

Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то...

Въ другомъ стихотвореніи, относящеюся къ этому же времени, съ глубокою, неподдѣльною страстностью высказываетъ юноша неудержимое стремленіе прочь отъ той жизни, которая окружала его, къ волѣ и простору, гдѣ-бъ могли найти выходъ его „необъятныя силы".

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня,
Чтобъ я съ ней по чисту полю
Ускакалъ на томъ конѣ...
Дайте волю, волю, волю,—
И не надо счастья мнѣ.

Самъ пылкій, кипучій, съ сердцемъ, исполненнымъ пламенной страстности, юноша хотѣлъ видѣть такими же и другихъ людей, и въ обличеніе жалкой дѣйствительности создаетъ типы натуръ цѣльныхъ, здоровыхъ, энергическихъ. Юношу сильно занимаетъ могучій образъ „Демона", выступающій въ поэмѣ съ необъятной полнотою громадныхъ душевныхъ силъ и выражающій собою тотъ идеалъ цѣльности, непосредственности и энергіи, которыя были ему такъ симпатичны. Рядомъ съ „Демономъ" создаетъ юноша и другія поэмы „Литвинка", „Аулъ-Бастунжи", „Каллы" и, наконецъ, „Ангелъ смерти". Тотъ же излюбленный типъ, который получилъ отвлеченное выраженіе въ «Демонѣ», является и здѣсь въ изображеніи гордыхъ, сильныхъ волею, твердыхъ людей, безотчетно, всѣмъ существомъ своимъ отдающихся

разъ вызванному чувству, которое не знаетъ границъ, не признаетъ преградъ. И всѣ эти герои несутъ въ сердцѣ своемъ глубокое озлобленіе, ненависть противъ людей и презрѣніе къ ихъ ничтожеству.

Такимъ образомъ, то, что высказывалъ Лермонтовъ въ своихъ стихотвореніяхъ, повторялось имъ и въ поэмахъ, которыя, поэтому, не смотря на эпическую форму, носятъ на себѣ характеръ чисто лирическихъ изліяній. И мы вправѣ именно такъ смотрѣть на эти поэмы, потому еще, что мотивы изліяній во всѣхъ произведеніяхъ повторяются замѣчательно согласно и вездѣ выражаются съ одинаковой силой и энергіей.

И въ поэмѣ „Измаилъ-бей“, написанной въ 1832 году и представляющей собой яркій разцвѣтъ Лермонтовскаго таланта, получили выраженіе тѣ же задушевныя мысли поэта, но на этотъ разъ съ большею полнотою. Измаилъ обладаетъ такою же сильною душою, такими же необъятными силами, какъ и предыдущіе герои Лермонтова:

Онъ для *великихъ* созданъ былъ *страстей*,
Онъ обладалъ *пылающей душою*!

Измаилъ также озлобленъ противъ людей за ихъ вѣроломство и презираетъ за ихъ ничтожество. Не разъ

Обманутъ былъ онъ и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему...
И *презиралъ* онъ этотъ *міръ ничтожный*.

Но Измаилъ до возвращенія на родину жилъ въ Россіи и эта жизнь оставила на немъ глубокіе слѣды. Онъ сталъ „зараженъ развратомъ, ядомъ просвѣщенья въ Европѣ душной“. „Ядъ просвѣщенья“ убилъ въ немъ чувство. Измаилъ

вернулся на родину „старикомъ для чувствъ и наслажденій“, съ „мертвымъ сердцемъ“, съ „холоднымъ блескомъ очей“. Вотъ какое вліяніе, по мнѣнію Лермонтова, производила на людей европейская, цивилизованная жизнь. Она ядомъ просвѣщенья убивала чувство, охлаждала страсти, дѣлала людей ничтожными, неспособными ни на что великое, ни на что выдающееся. Такъ объяснялъ себѣ Лермонтовъ причину ничтожества и испорченности общества, среди котораго жилъ: не въ общественныхъ условіяхъ, видѣлъ онъ эту причину, а въ упадкѣ характеровъ, обусловленномъ европейскою цивилизаціей, просвѣщеніемъ.

И юноша отворачивается отъ современной дѣйствительности, какъ окончательно испорченной, подвергшейся разложенію, безвозвратно погибшей, и переносится мыслью въ иной міръ, куда не достигало просвѣщеніе и гдѣ слѣдовательно, по его представленіямъ, не было порчи. Этотъ иной міръ видѣлъ юноша въ быту Кавказа и дальняго востока, въ эпохѣ среднихъ вѣковъ. Потому и мѣстомъ дѣйствія всѣхъ вышеназванныхъ поэмъ онъ избираетъ именно этотъ бытъ и эту эпоху, и описываетъ ихъ, какъ вольную, бурную, тревожную жизнь, гдѣ чувства могутъ проявляться свободно, гдѣ „умѣютъ безъ боязни и ненавидѣть и любить“,

Гдѣ за добро—добро, и кровь—за кровь.
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

Такая жизнь привлекала къ себѣ юношу, въ ней видѣлъ онъ идеалъ, къ которому стремился, который владѣлъ всѣми его мыслями.

Но идеалъ этотъ являлся совершенно чуждымъ той жизненной обстановкѣ, той дѣйствительности, среди которыхъ все же приходилось жить и дѣйствовать юношѣ. Для такой

жизни и дѣятельности созданный имъ идеалъ не давалъ никакихъ указаній. И юноша долженъ былъ чувствовать неопредѣленность своего положенія среди окружающей жизни, неопредѣленность желаній и стремленій, постоянно тревоживших его, но не находившихъ исхода. И въ прекрасномъ стихотвореніи „Ангелъ“, написанномъ въ 1831 году, юноша старается объяснить себѣ такое состояніе угнетающей его неопредѣленности тѣми чудными впечатлѣніями, какія вынесла душа изъ небесной сферы и которыя на землѣ сохранились въ ней въ неясныхъ, неполныхъ очертаніяхъ „безъ словъ, но живыми“.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
Душа поселилась въ твореньѣ земномъ,
Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала, о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
Съ тѣхъ поръ непонятнымъ желаньемъ полна,
Страдала, томилась она,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли *).

*) Приводимъ первую редакцію этого стихотворенія.

Душа юноши дѣйствительно страдала и томилась отъ терзавшихъ ее «непонятныхъ желаній», но эти «непонятныя желанія» происходили оттого, что не было у Лермонтова, опредѣленныхъ, положительныхъ взглядовъ на жизнь: онъ только огульно отрицалъ всю современную дѣйствительность и ставилъ на мѣсто нея совершенно чуждые ей и непримѣнимые идеалы.

И страданія юноши отъ такой безвыходности, безцѣльности существованія были до того сильны, что, не будучи въ состояніи дать имъ вѣрнаго объясненія, онъ объяснялъ ихъ дѣйствіемъ судьбы, гнетущею силою рока. Часто въ своихъ произведеніяхъ онъ называетъ себя «рабомъ судьбы» и «сыномъ рока», и эта черта отражается и на его герояхъ, особенно на Измаилѣ, ведущемъ постоянную, ожесточенную борьбу съ тѣми страданіями, которыми отмѣтилъ его рокъ.

Допустивъ возможность вліянія на людей какой-то особенной, таинственной силы, Лермонтовъ тѣмъ самымъ пришелъ къ вѣрѣ въ предопредѣленіе, къ тому фаталистическому взгляду на жизнь, который впослѣдствіи, хотя и несмѣло, высказываетъ въ разсказѣ о Вуличѣ, и который только еще болѣе омрачалъ и безъ того безотрадное міровоззрѣніе поэта.

Поэмой „Измаилъ-бей“ заканчивается первый періодъ литературнаго творчества Лермонтова. Въ ней геній поэта достигаетъ уже блестящаго развитія, въ ней вполнѣ опредѣляется направленіе его поэзіи, общій тонъ и характеръ ея. Бурной страстностью, энергіей, силою вѣетъ отъ этой поэзіи и въ то же время желѣзный стихъ ея звучитъ мрачными аккордами: и горечью, и злостью, и отчаяніемъ. Поэма «Измаилъ-бей“ была выраженіемъ и общихъ воззрѣній юноши, его идеаловъ, стремленій, симпатій и антипатій, — всего,

что зрѣло въ немъ и волновало его въ это время. Этимъ же произведеніемъ была намѣчена и дальнѣйшая программа творчества Лермонтова, которую и обрисуемъ теперь въ общихъ чертахъ.

Поэтъ съ презрѣньемъ и гнѣвомъ отворачивается отъ современной дѣйствительности, отъ общества, въ которое европейское просвѣщенье внесло порчу и ничтожество. Какъ контрастъ этой дѣйствительности, онъ выставляетъ вольную и бурную жизнь народовъ, нетронутыхъ просвѣщеньемъ, и потому сохранившихъ въ себѣ характеры цѣльные, здоровые, энергическіе. Но огульно отрицая дѣйствительность, совершенно отворачиваясь отъ нея, поэтъ не могъ не чувствовать всю тяжесть своего изолированнаго, неопредѣленнаго положенія среди окружавшей его обстановки, которое не давало исхода его громаднымъ силамъ, стремленіямъ и желаніямъ. Юноша видѣлъ въ этомъ что-то роковое, проявленіе какой-то таинственной гнетущей силы, въ ожесточенной борьбѣ съ которой должна проходить жизнь. И такъ, вмѣсто борьбы противъ неустройства жизни Лермонтовъ пришелъ къ безцѣльной борьбѣ съ какой-то невѣдомой силой, силой гнетущей, непобѣдимой, что признавалъ и самъ онъ. Отсюда недалеко было до мрачнаго, безнадежнаго отчаянія, которое и слышится въ стихахъ:

И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ!

Такимъ образомъ, міровоззрѣніе, выработанное Лермонтовымъ, было чуждо общественныхъ интересовъ и потребностей. Его идеалъ являлся безпочвеннымъ, непримѣнимымъ къ жизни и неудовлетворяющимъ его самого. Но отрицательный, протестующій взглядъ поэта на жизнь, хотя и происходилъ изъ ложнаго пониманія причинъ неустройства жизни, тѣмъ не менѣе выражалъ собою настроеніе лучшей части тогдашняго

общества,—образованнаго новаго поколѣнія. Поэзія Лермонтова была глубоко симпатичной потому, что взывала къ бурной, тревожной жизни, указывала идеалъ жизни не въ жалкомъ покоѣ бездѣйствія, а въ борьбѣ, въ дѣятельности, полной энергіи. И хотя дѣятельность эта носила въ произведеніяхъ Лермонтова неопредѣленный и подчасъ даже безцѣльный характеръ,—все же сила творчества поэта придавала ей могучее очарованіе. Это очарованіе рисуетъ юноша въ большинствѣ произведеній и, между прочимъ, въ прекрасномъ стихотвореніи „Парусъ“, написанномъ въ 1832 году:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ неба голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

ГЛАВА IX.

Причины, вызвавшія поступленіе Лермонтова въ школу гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ.—Духъ школы.—Отраженія его на Лермонтовѣ.—Письма Лермонтова.—Юнкерскія произведенія.—Назойливость и насмѣшливость поэта. — Наружность поэта. — Шалости его. — Послѣдствія школьнаго вліянія.—Производство въ офицеры.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Лермонтовъ думалъ поступить въ здѣшній университетъ, но его остановило то обстоятельство, что приходилось зачислиться снова на первый курсъ и на основаніи новаго устава слушать лекціи впродолженіи не трехъ лѣтъ, какъ было прежде, а четырехъ. Цѣлые четыре года впереди зависимой, ученической жизни казались Лермонтову невыносимыми. Ему тяжело было это пассивное положеніе въ обществѣ, гдѣ на него смотрѣли, какъ на юношу, съ нѣсколько высокомѣрнымъ снисхожденіемъ. Лермонтовъ сознавалъ въ себѣ недюжинныя внутреннія силы, чувствовалъ свое превосходство надъ окружавшимъ его обществомъ, но превосходство это въ той средѣ не имѣло никакой цѣны, не обращало на себя вниманія. Для того, чтобы играть какую-либо роль, надо было обладать извѣстнымъ, виднымъ общественнымъ положеніемъ, или богатствомъ. Университетъ не давалъ ни того, ни другого. Лермонтовъ могъ, конечно, избавиться отъ непріятностей своего пассивнаго положенія, порвавъ всякую связь съ окружавшимъ его обществомъ, но на это у него не доставало силъ. И воспитаніе, и привычки сроднили его съ окружавшей средой; внѣшній блескъ, лоскъ и свѣтскость уже возымѣли на него свое дѣйствіе: юноша, не смотря на сознаніе пустоты своей обстановки, все же въ глубинѣ души тяготѣлъ къ ней. Впрочемъ, трудно было порвать съ обществомъ

и потому еще, что иной среды, кромѣ своей, онъ не зналъ, всегда чуждаясь сближенія. И Лермонтову, для того, чтобы выдти изъ своего пассивнаго положенія, по неволѣ приходилось подчиняться условіямъ окружавшей среды, угождать ея вкусамъ, ея требованіямъ. Онъ рѣшилъ не продолжать далѣе университетскаго образованія и возможно быстрѣйшимъ путемъ занять видное мѣсто въ обществѣ. И ему хотѣлось именно выдаваться, первенствовать тамъ, что вполнѣ объясняется предыдущими обстоятельствами его жизни.

А обстоятельства этой жизни, гдѣ на отцѣ видѣлъ онъ тяжелыя послѣдствія бѣдности и незнатности его происхожденія, болѣзненно отозвались на его самолюбіи, которое стало крайне чуткимъ къ малѣйшимъ намекамъ на все, что такъ, или иначе принижало его въ глазахъ другихъ. Болѣзненно развившееся самолюбіе поселило въ немъ страстное желаніе первенствовать, играть роль, чтобы тѣмъ удалить по возможности всякій поводъ къ какимъ-либо уколамъ, къ какому-либо униженію. И это желаніе первенствовать было тѣмъ сильнѣе, что находило вполнѣ естественное основаніе въ сознаніи Лермонтовымъ собственнаго превосходства.

Но такое превосходство, какъ говорили мы, не имѣло въ обществѣ значенія. Чтобы играть въ немъ роль, приходилось угождать его вкусамъ, его требованіямъ. Въ то время самая популярная и всего скорѣе приводившая въ первые ряды общества профессія была военная,—таковъ былъ господствующій вкусъ, таковъ примѣръ, подаваемый самими высшими сферами. На эту дорогу направлялась масса аристократической молодежи, между прочимъ, близкіе пріятели Лермонтова. Туда завлекала и перспектива веселой, беззаботной, разгульной жизни,—и Лермонтовъ рѣшилъ вступить на эту дорогу.

Но не безъ борьбы принялъ онъ такое рѣшеніе. Онъ понималъ, что дѣлаетъ роковой шагъ, порываетъ всѣ связи съ прошедшей жизнью, съ ея интересами, надеждами, идеалами. Въ немъ было страстное влеченіе къ литературной дѣятельности, которой мечталъ посвятить себя, для которой поступалъ и въ университетъ. „До сихъ поръ, — пишетъ Лермонтовъ за нѣсколько дней до поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ,—я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть, по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго истощенія въ старости".

Въ словахъ этихъ слышится глубокомрачное настроеніе, горечь прощанія съ прежними мечтами и грезами. Поэтъ не старается обмануть себя какими либо иллюзіями относительно избранной имъ дороги; онъ сознаетъ ея безсодержательность и видитъ въ ней только болѣе близкій путь, ведущій къ послѣдней цѣли всего существующаго.

Приказомъ по „школѣ гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ", отъ 13-го Ноября 1832 г., Лермонтовъ зачисленъ былъ вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Съ этого времени начинается для него новая жизнь, имѣвшая большое вліяніе на всю его будущность, и вліяніе далеко неблагопріятное.

Когда поступилъ Лермонтовъ въ школу, въ ней царствовала строгая дисциплина, введенная великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. На военныя занятія было обращено главное вниманіе, наукамъ же отведено мѣсто второ-

степенное. Читать книги литературнаго содержанія было запрещено. Поэтому въ школѣ кромѣ фронтовой службы не научались ничему, и въ средѣ юнкеровъ было полнѣйшее отсутствіе какихъ либо умственныхъ интересовъ. Военная выправка школы, военная рутина, создавала грубые нравы. Между юнкерами считались, напр., остроумными подобныя выходки: кто нибудь изъ нихъ, напередъ надломивъ тарелку, ставилъ на нее массу другихъ, отчего вся груда съ трескомъ падала и разбивалась, какъ только служитель приподнималъ ее со стола. Юнкера хохотали, а служителя наказывали. Новичка, вступавшагося за несчастнаго служителя, если не прямо клеймили доносчикомъ, то немилосердно преслѣдовали за мягкосердіе, не скупясь на самыя презрительныя прозвища. Особенно непріятно поражала въ юнкерахъ одна характерная черта, это—нелѣпая сословная исключительность. Юнкера свысока смотрѣли на людей, не принадлежащихъ къ ихъ сословію, или къ военному классу, и въ обращеніи выказывали какое то дѣланное пренебреженіе, рѣзко бросавшееся въ глаза.

Таковъ былъ духъ школы, когда Лермонтовъ поступилъ туда. Живя среди этой обстановки, проводя здѣсь и дни, и ночи, онъ невольно долженъ былъ сталкиваться съ товарищами, долженъ былъ играть среди нихъ ту, или иную роль. Ему приходилось избирать одно изъ двухъ: или стать въ разрѣзъ господствовавшему духу школы и тогда подвергнуть себя всевозможнымъ насмѣшкамъ, или пойти объ руку съ товарищами, уступить ихъ требованіямъ и вкусамъ. Болѣзненное самолюбіе Лермонтова, боязнь приниженнаго положенія, толкали его на послѣдній путь. Къ тому же многія черты жизни школы пришлись очень по душѣ ему; это удальство, смѣлыя выходки, безшабашный разгулъ привлекали къ себѣ его симпатіи. И Лермонтовъ старается по-

пасть въ топъ товарищамъ, бравируетъ и выкидываетъ „смѣлыя штуки“ для того, чтобы заслужить репутацію „лихаго юнкера“. И на первыхъ же порахъ ему приходится поплатиться за свое бравурство.

Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобы показать свое знаніе въ ѣздѣ и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзжанную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Лермонтовъ проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и только передъ экзаменами вышелъ изъ дому. Для экзаменовъ, правда, случай этотъ не имѣлъ неблагопріятныхъ послѣдствій, онъ выдержалъ ихъ хорошо, одинъ изъ первыхъ; но за то, несмотря на видимое выздоровленіе, на всю жизнь остался немного хромымъ.

Лермонтовъ перешелъ въ первый классъ, пробывъ въ школѣ всего лишь два мѣсяца, и теперь несказанно радовался, что черезъ годъ будетъ свободенъ. Школа его все-же тяготила и строго соблюдаемой дисциплиной, и нравами. Онъ сознаетъ непривлекательность своей обстановки и времяпровожденія, и въ словахъ его письма, писаннаго вскорѣ послѣ экзаменовъ, 19-го іюня 1833 года, слышится затаенная горечь, вызванная обстоятельствами его жизни: „Я счастливѣе, чѣмъ когда нибудь, веселѣе любаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ. Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій, но увы: *скажи, съ кѣмъ ты водишься, я скажу, кто ты таковъ*“.

Та-же затаенная горечь и злая иронія надъ собою слышатся и въ другомъ письмѣ, отъ 4-го августа 1833 года: „Боже мой! Еслибъ вы знали, какую жизнь намѣренъ я повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ.

Я знаю, что вы возопіете, но увы! пора моихъ мечтаній миновала, время вѣрованій прошло,—нѣтъ его, мнѣ нужны матеріальныя ощущенія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его въ карманѣ, какъ табакерку, которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и бездѣйствіи... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы увидите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься составленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать, и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій“... „Впередъ знайте“,—продолжаетъ Лермонтовъ свою исповѣдь послѣ небольшаго отступленія,—„что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи, теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отжилъ для наслажденій и они мнѣ надоѣли, хотя я и не пользовался ими“... „Разсчитываю на ваше постоянство“, заключаетъ Лермонтовъ письмо, какъ бы опасаясь, въ виду происшедшей въ немъ перемѣны, лишиться прежняго расположенія.

А перемѣна съ каждымъ днемъ становилась чувствительнѣе, замѣтнѣе. Окружавшая юношу среда втягивала его въ себя все сильнѣй и сильнѣй, и вмѣстѣ съ погруженіемъ въ эту пошлую, безсодержательную жизнь

Лермонтовъ все болѣе удалялся отъ прежнихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ. И это сильно отразилось также на его литературной дѣятельности, гдѣ встрѣчаемся съ произведеніями грязными, циническими, надолго обезславившими доброе имя поэта. Лермонтовъ помѣстилъ нѣсколько такихъ произведеній, между прочимъ, „Петергофскій праздникъ“, „Уланшу“, „Госпиталь“ въ издававшемся въ школѣ журналѣ «Школьная Заря», и здѣсь впервые пріобрѣлъ извѣстность поэта, но извѣстность двусмысленную, грустную. Юнкера разносили въ спискахъ эти грязныя произведенія, и о Лермонтовѣ слагалась въ обществѣ самая печальная репутація, которую если и удалось изгладить поэту, то уже гораздо позже, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью, послѣ выхода собранія его стихотвореній и романа „Герой нашего времени“.

Но кромѣ вышеупомянутыхъ произведеній Лермонтовъ написалъ въ школѣ еще двѣ поэмы «Хаджи-Абрекъ» и «Сашка». Эти поэмы по времени предшествовали первымъ и въ нихъ сказываются еще прежніе идеалы, влеченія и интересы Лермонтова. „Хаджи-Абрекъ“ былъ передѣлкой прежде написанной поэмы „Каллы“, передѣлкой болѣе зрѣлой и обработанной, прекрасная же поэма „Сашка“, къ сожалѣнію, неоконченная, представляетъ зарожденіе того современнаго Лермонтову типа, который впослѣдствіи обрисованъ имъ въ „Героѣ нашего времени“. Но на этой поэмѣ отразились уже и юнкерскія наслоенія, выразившіяся въ черезъ-чуръ вольномъ изображеніи сладострастныхъ, эротическихъ сценъ.

О времени пребыванія Лермонтова въ юнкерской школѣ сохранилось довольно много воспоминаній его товарищей.

Въ школѣ, разсказываетъ одинъ изъ нихъ, Лермонтовъ имѣлъ страсть приставать съ своими острыми и часто даже злыми насмѣшками къ тѣмъ изъ товарищей, съ которыми онъ былъ болѣе друженъ. Объ этой привычкѣ упоминаютъ и другіе, добавляя, что здѣсь было какое то злое желаніе надоѣсть, вывести изъ терпѣнія, какая то назойливость въ преслѣдованіи. Но Лермонтовъ ничуть не обижался, когда на его остроты ему отвѣчали тѣмъ же, и отъ души смѣялся ловкому слову, направленному противъ него самого. Да онъ и самъ подчасъ трунилъ надъ собою и своими недостатками, и вмѣстѣ съ друзьями потѣшался надъ даннымъ ему прозвищемъ „Маешка“, взятымъ изъ одного французскаго романа, гдѣ фигурируетъ косолапый горбунъ „Mayeux». Лермонтовъ былъ далеко некрасивъ собою и даже неуклюжъ. Онъ былъ брюнетъ, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, какъ уголь глазами, взглядъ которыхъ, какъ онъ самъ выразился о Печоринѣ, былъ иногда тяжелъ. Невысокаго роста, широкоплечій, онъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе даже не знавшихъ его. Сильный душою, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу, особенно силу рукъ, въ чемъ состязался между прочимъ съ нѣкимъ юнкеромъ Карачинскимъ, который гнулъ шомпола или вязалъ изъ нихъ узлы, какъ изъ веревокъ. Однажды оба они въ залѣ упражнялись подобной пробой силы; вдругъ вошелъ туда директоръ, генералъ Шлиппенбахъ. Каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ эти упражненія юнкеровъ. Разгорячась, онъ началъ дѣлать имъ замѣчанія:

— „Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти что-ли вы, чтобы такъ шалить!.. Ступайте подъ арестъ“. Ихъ арестовали на одни сутки. Послѣ того, Лермонтовъ презабавно разсказывалъ про выговоръ, полученный имъ и Кара-

чинскимъ: „Хороши дѣти,—повторилъ онъ,—которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы“...

Но не въ этихъ шалостяхъ и забавахъ отразилось дурное вліяніе школы. Оно сказалось на характерѣ Лермонтова, на его взглядахъ и отношеніяхъ къ людямъ. Пребываніе въ юнкерской школѣ внесло въ него какое то фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, злостную назойливость. Онъ усвоилъ здѣсь и узкій сословный духъ, и бьющую въ глаза заносчивость, и, вообще, отталкивающую манеру обращенія съ людьми.

Такимъ вышелъ Лермонтовъ изъ стѣнъ школы, 22-го ноября 1834 г., произведенный въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, расположеннаго въ Царскомъ Селѣ.

Дурно повліяли на него проведенные въ школѣ два года, надолго обезславили его доброе имя, поселили во многихъ суровую непріязнь къ нему,—но все-же не окончательно убили въ немъ тѣ лучшія влеченія, которыя руководили имъ въ ранней юности. Что тяжело и больно отзывалось на Лермонтовѣ проведенное въ школѣ время, что чувствовалъ и понималъ онъ всю неприглядность своей обстановки и мучился и терзался въ ея растлѣвающей атмосферѣ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ письма его къ немногимъ близкимъ лицамъ, передъ которыми въ трудныя минуты изливалъ поэтъ свою душу. Къ этимъ лицамъ принадлежали: Алексѣй Лопухинъ, его сестра Марья Александровна и Сашенька Верещагина.

Когда вскорѣ послѣ производства въ офицеры Лермонтовъ узналъ о пріѣздѣ изъ Москвы Лопухина, вотъ что на радостяхъ вырвалось изъ наболѣвшей души его по поводу двухлѣтняго пребыванія въ школѣ: „когда извѣстіе (о пріѣздѣ) пришло ко мнѣ, я едва не сошелъ съ ума отъ радо-

сти: я разговаривалъ съ самимъ собою, смѣялся, потиралъ себѣ руки. Мгновенно воротился я къ моимъ *прошедшимъ* радостямъ... двухъ *страшныхъ* лѣтъ какъ не бывало".

ГЛАВА X.

Лермонтовъ-гусаръ.—Времяпровожденіе въ товарищескомъ кружкѣ и въ свѣтскомъ обществѣ.—Донъ-Жуанскія выходки Лермонтова.—Новая встрѣча съ Хвостовой и отношеніе къ ней.—Внутренняя жизнь Лермонтова и его добрыя влеченія.—Частыя нарушенія дисциплины.—Озлобленіе нѣкоторыхъ лицъ противъ поэта.—Стихотвореніе „На смерть Пушкина".—Арестъ Лермонтова и ссылка на Кавказъ.

Поступивъ въ гусарскій полкъ, Лермонтовъ поселился въ Царскомъ Селѣ, на углу Большой и Манежной улицы, и занялъ квартиру вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ и товарищемъ по школѣ Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, прозваннымъ въ школѣ „Монго". Бабушка не поскупилась роскошно экипировать внука и дать молодому корнету всю обстановку, необходимую для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, лакей были отправлены въ Царское изъ Тарханъ. Арсеньева ассигновала ежегодно выдавать внуку по 10,000 рублей, и, кромѣ того, дарила ему нерѣдко по тысячѣ и больше. На эти средства Лермонтовъ могъ жить очень хорошо, ничѣмъ не стѣсняясь, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Почувствовавъ свободу, онъ на первыхъ-же порахъ съ увлеченіемъ отдался шумнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ гусарской жизни. „Насмѣшли-

вый, ѣдкій, ловкій",—разсказываетъ о немъ гр. Растопчина, „вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, удовольствіяхъ, кутежахъ». Молодой корнетъ подбиралъ себѣ компанію особенно удалыхъ и предпріимчивыхъ на выходки офицеровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и извѣстный Булгаковъ, прославившійся рѣдкою изобрѣтательностью буйныхъ проказъ и шутовскихъ выходокъ. Было время, когда къ тому же Булгакову совершенно иначе относился Лермонтовъ и поведеніе этого безшабашнаго и буйнаго кутилы вызвало со стороны поэта ѣдкую эпиграмму:

На вздоръ и шалости ты хватъ,
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.

За службу долгую и трудъ,
Авось, на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

Но это писалъ Лермонтовъ въ 1830 году, а съ тѣхъ поръ утекло много воды и самъ Лермонтовъ измѣнился во многомъ. Теперь у него были иныя воззрѣнія на жизнь, иные интересы и стремленія. Онъ находилъ удовольствіе въ средѣ людей, подобныхъ Булгакову, въ пустомъ, безсодержательномъ времяпровожденіи, практиковавшемся и въ товарищескомъ кружкѣ и въ томъ свѣтскомъ обществѣ, въ которое постепенно пробивалъ себѣ дорогу.

„Я бываю теперь въ свѣтѣ, пишетъ Лермонтовъ 23-го декабря 1834 г., для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ

хорошемъ обществѣ... Ахъ!.. я волочусь, и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько, и хотя это не совсѣмъ ново, за то не всѣ такъ дѣлаютъ... Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонятъ прочь? О, нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность"...

Лермонтова всегда грызла мысль, что онъ дуренъ собою, что нравиться женщинамъ онъ не можетъ. И эта мысль постоянно отравляла его чувство и возбуждала въ немъ злость, которую онъ и старался выместить на тѣхъ, кто оказывалъ ему свое сочувствіе.

И Лермонтовъ проводитъ время въ *хорошемъ обществѣ*, разыгрывая изъ себя не то Донъ-Жуана, не то какого то демона облекшагося въ формы великосвѣтскаго нахальства.

Поведеніемъ такимъ, впрочемъ, руководили и другія соображенія, о которыхъ говоритъ Лермонтовъ въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной, писанномъ весною 1835 г.: „Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждаго былъ какой нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества"... Словомъ, страстно желая занять пьедесталъ въ обществѣ и не имѣя для того ни титула, ни громкаго имени, ни хорошаго состоянія, Лермонтовъ рѣшилъ достигнуть цѣли инымъ путемъ. Онъ хотѣлъ прослыть опаснымъ Донъ-Жуаномъ, что въ глазахъ тогдашняго общества придавало человѣку цѣну, обращало на него вниманіе. Но такъ какъ для такой репутаціи необходима была жертва, то жертвою избралъ Лермонтовъ m-lle Сушкову (впослѣдствіи Хвостова), которою въ

юности былъ не на шутку увлеченъ. Правда, какъ свидѣтельствуетъ самъ Лермонтовъ, она заставила страдать сердце ребенка, заставила проливать его слезы, но во всякомъ случаѣ это не оправдываетъ некрасиваго поведенія Лермонтова. Всѣ біографы поэта и въ томъ числѣ г. Висковатый, отыскавшій новые матеріалы для характеристики отношеній Лермонтова къ Сушковой, — стараются загладить его неблаговидный поступокъ, всей тяжестью обвиненія обрушаясь на кокетство, коварство и интриги Сушковой, но справедливость требуетъ признать, что роль, сыгранная здѣсь Лермонтовымъ, была не изъ благовидныхъ.

„Я ее и скомпрометировалъ насколько было возможно, пишетъ Лермонтовъ въ томъ же письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной, не скомпрометировавъ самого себя“. Онъ встрѣтился съ Сушковой, вскорѣ послѣ производства въ офицеры, на одномъ изъ петербургскихъ баловъ и съ тѣхъ поръ повелъ противъ нея правильную и тонко разсчитанную атаку. Лермонтовъ въ вышеупомянутомъ письмѣ самъ разсказываетъ подробности этой аттаки. Онъ устроилъ такъ, что общество видѣло, какъ сильно Сушкова заинтересована имъ въ то время, какъ онъ былъ къ ней совершенно равнодушенъ и холоденъ. Это заставило говорить о немъ въ обществѣ, обратило на него вниманіе. Тогда, достигнувъ желаемаго, онъ рѣшилъ порвать связи, для чего послалъ анонимное письмо, гдѣ, отъ имени невѣдомаго друга, рисовалъ себя въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Письмо возымѣло дѣйствіе: попавъ въ руки родственниковъ Сушковой и произведя въ домѣ цѣлую бурю, оно повлекло за собой отказъ Лермонтову отъ дома, чего теперь онъ только и добивался.

Репутація „покорителя сердецъ“, „опаснаго Донъ-Жуана“ установилась за Лермонтовымъ и онъ продолжалъ поддерживать ее подобными же некрасивыми подвигами. Свѣт-

ское общество, принявшее въ свою среду поэта, отразилось на немъ всѣми своими недостатками, всей своей пошлостью. Онъ чувствовалъ, сознавалъ это, но въ то же время съ какимъ то отчаяннымъ наслажденіемъ, съ какою то злобною радостью все глубже погружался въ этотъ омутъ. Порвавъ съ своей прежнею жизнью, вступивъ на новую дорогу, онъ увидѣлъ, что сильно ошибся, что его живую, воспріимчивую душу не могутъ удовлетворить блестки и мишура окружавшаго его общества. И по временамъ на поэта нападаетъ тоска, его терзаетъ и безсодержательность, безцѣльность его существованія, и недовѣріе къ собственнымъ силамъ. „*Моя будущность*—пишетъ Лермонтовъ,—блистательная,—повидимому, въ сущности — *пошлая и пустая*... Съ каждымъ днемъ *я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ* со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости". У Лермонтова именно недоставало рѣшимости порвать связи съ обществомъ, и въ отчаяніи отъ безвыходности своего положенія онъ старается заглушить муки сердца въ безалаберномъ и жалкомъ времяпровожденіи. Но голосъ совѣсти, голосъ неутраченныхъ добрыхъ влеченій не перестаетъ напоминать о себѣ. Лермонтову стыдно за себя и свою жизнь передъ тѣми людьми, которымъ повѣрялъ нѣкогда свои юношескія мечтанія, и онъ долго не рѣшается писать ни Лопухиной, ни Верещагиной.

Въ письмѣ къ Верещагиной, послѣ продолжительнаго молчанія, онъ прямо говоритъ: „Надо признаться Вамъ, милая кузина, отчего я не писалъ ни Вамъ, ни М-lle Магіе... То былъ страхъ, чтобы изъ писемъ моихъ Вы не заключили, что я почти недостоинъ Вашей дружбы. Передъ обѣими Вами я не могу скрывать истины, передъ Вами, которыя были на-

персницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ особенно въ воспоминаніи“...

Эти искреннія, глубоко задушевныя признанія ярко показываютъ, что Лермонтовъ видѣлъ, сознавалъ пустоту и безсодержательность своей жизни, томился и терзался въ этой затхлой обстановкѣ, но, не будучи въ состояніи противупоставить ей иныхъ болѣе разумныхъ жизненныхъ устоевъ, тратилъ силы за-ничто, размѣнивался на мелкую монету.

И отъ этого недовольство собою и окружавшимъ обществомъ быстро росло въ Лермонтовѣ, отравляло душу его ѣдкою горечью, поселяло въ ней все большее и большее озлобленіе, которое и вымещалъ онъ: гдѣ въ сарказмахъ и насмѣшкахъ, гдѣ въ ѣдкихъ, дразнящихъ выходкахъ и намѣренномъ нарушеніи установленныхъ правилъ. Лермонтову часто приходилось сиживать на гауптвахтѣ именно за такія намѣренныя уклоненія отъ дисциплины. Однажды онъ явился на разводъ почти съ дѣтскою игрушечною саблей не смотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ. Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая при его маленькомъ ростѣ казалась еще громаднѣе и, стуча о панель, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ. За эту несоразмѣрно большую саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ послалъ Лермонтова подъ арестъ съ одного бала, на который явился тотъ съ неформеннымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ вицмундира. Не разъ доставалось поэту и за то, что онъ свою форменную трехугольную шляпу часто носилъ „съ поля“, что было

противно правиламъ и преслѣдовалось. Вообще, за всѣ подобныя нарушенія дисциплины начальство сильно не благоволило къ Лермонтову и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Не любили Лермонтова и въ петербургскихъ большихъ салонахъ, гдѣ многимъ успѣлъ онъ насолить своими желчными остротами, осмѣивавшими все ложное, натянутое, неестественное, чего ни въ комъ онъ не переносилъ. Нѣкоторымъ лицамъ изъ этой среды такъ солоны пришлись насмѣшки Лермонтова, что, даже послѣ смерти поэта, они не иначе говорили о немъ, какъ съ пѣною у рта. За то и радовались же они, когда явился случай отплатить поэту за понесенныя оскорбленія, случай, вызванный извѣстнымъ стихотвореніемъ «На смерть Пушкина».

Въ Январѣ 1837 года произошла дуэль и смерть Пушкина. Извѣстно, что эти событія произвели въ Петербургѣ чрезвычайное впечатлѣніе и показали всю мѣру глубокаго чувства, которое питало общество къ великому поэту; передъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, съ утра до ночи стояли толпы, ожидавшія извѣстій о положеніи Пушкина; люди всѣхъ званій тѣснились потомъ въ его квартирѣ, чтобы поклониться ему въ послѣдній разъ. Молодая часть публики была особенно взволнована и поражена, и на Лермонтова несчастное событіе подѣйствовало очень сильно. Говорятъ, что Лермонтовъ незадолго до того имѣлъ случай лично познакомиться съ Пушкинымъ, поэзіи котораго онъ былъ горячимъ поклонникомъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ событія онъ написалъ извѣстное стихотвореніе „На смерть Пушкина“, которое въ прекрасныхъ, полныхъ скорби стихахъ отражало чувства лучшей части общества и распространялось во множествѣ списковъ. Но среди петербургскаго beau monde'а было много людей, которые очень холодно относились къ Пушкину, винили его самого и оправ-

дывали его убійцу, Дантеса. Лермонтова всѣ эти толки глубоко возмущали. Въ этомъ настроеніи онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, который сталъ защищать Дантеса. Они горячо поспорили и взволнованный Лермонтовъ тутъ-же набросалъ шестнадцать заключительныхъ строкъ своего стихотворенія, написанныхъ съ энергіей, какая очень рѣдко встрѣчалась въ русской поэзіи и раньше, и послѣ. Въ нихъ онъ излилъ давно обуревавшую его злобу противъ рабски-ничтожнаго, мелочно-эгоистическаго, развратнаго свѣтскаго общества, закорузлаго, въ жалкихъ, тщеславныхъ предразсудкахъ.

Изъ-за этого общества поэтъ много выстрадалъ еще въ дѣтствѣ и юности, слыша обиды и оскорбленія, наносимыя отцу; боязнь такого-же униженія въ будущемъ и для себя заставила его добиваться виднаго положенія въ обществѣ, для чего приходилось поступиться многимъ, мириться съ тѣмъ, что мучило и терзало его. И теперь эта горечь обидъ и оскорбленій, муки сердца, терзанія совѣсти, все слилось въ одно чувство глубочайшей ненависти и презрѣнія къ обществу и разразилось страстными, энергическими, желѣзными стихами.

Эти стихи быстро распространились въ публикѣ и дѣло приняло опасный для Лермонтова оборотъ. Поэтъ обратился за содѣйствіемъ къ своему знакомому, А. Н. Муравьеву, *) имѣвшему связи въ высшихъ сферахъ. „Лермонтовъ просилъ меня,—пишетъ Муравьевъ—поговорить въ его пользу Мордвинову, и на другой день я поѣхалъ къ моему родичу. Мордвиновъ былъ очень занятъ и не въ духѣ. „Ты всегда съ старыми вѣстями—сказалъ онъ—я давно читалъ эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ

*) Авторъ „Путешествія по Святымъ мѣстамъ“.

нихъ ничего предосудительнаго". Обрадовавшись такой вѣсти я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить, и, не заставъ дома, написалъ ему отъ слова до слова то, что сказалъ мнѣ Мордвиновъ".

Но Мордвинову, по всей вѣроятности, неизвѣстны были шестнадцать заключительныхъ стиховъ, написанныхъ Лермонтовымъ позднѣе. Онъ говорилъ о первой редакціи этого стихотворенія. А между тѣмъ заключительные стихи вооружили противъ Лермонтова общество, узнавшее себя въ нихъ, и обратившее вниманіе высшихъ сферъ на безпокойнаго поэта. Лермонтовъ, въ тотъ день, когда Муравьевъ былъ у него послѣ посѣщенія Мордвинова, снова прибѣжалъ къ Муравьеву съ вторичной просьбой о содѣйствіи. „Когда я возвратился домой,— пишетъ Муравьевъ,—я нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозитъ опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи „Вѣтка Палестины", которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, принесенныхъ мною съ востока"... Убѣжденный увѣреніями Мордвинова, Муравьевъ полагалъ, что Лермонтову не грозитъ никакой опасности, и былъ крайне изумленъ, когда вечеромъ того же дня узналъ, что Лермонтовъ уже арестованъ.

Объявленнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 25 февраля 1837 года, Лермонтовъ изъ корнетовъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка переведенъ былъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ.

ГЛАВА XI.

Творческая дѣятельность Лермонтова въ первые годы офицерства.—Пребываніе на Кавказѣ.—„Пѣсня про царя Ивана Васильевича“.—Возвращеніе съ Кавказа.—Намѣреніе оставить военную службу.—Успѣхи въ свѣтѣ.—Литературныя знакомства.—Воспоминанія Панаева.—Несимпатичныя черты характера Лермонтова.

Ссылка Лермонтова на Кавказъ надѣлала много шума; объ немъ заговорили и это быстро возвысило его поэтическую славу, которая стала устанавливаться съ появленіемъ „Хаджи-Абрека“, перваго напечатаннаго произведенія Лермонтова. „Хаджи-Абрекъ“ былъ написанъ Лермонтовымъ еще въ школѣ, и безъ его вѣдома отданъ товарищемъ по школѣ, Н. Д. Юрьевымъ, въ „Библіотеку для чтенія“, гдѣ и появился въ 1835 году. Поэма была замѣчена, произвела впечатлѣніе, возбудила ожиданія, но Лермонтовъ все-же не рѣшался отдавать свои произведенія въ печать, хотя за время отъ производства въ офицеры до ссылки онъ и написалъ нѣсколько большихъ произведеній и мелкихъ стихотвореній. Къ этому времени относится его драма „Маскарадъ“, въ которой хотѣлъ онъ изобразить нравы современнаго ему высшаго общества, но, сосредоточивъ все вниманіе на главномъ дѣйствующемъ лицѣ, Арбенинѣ, обрисовалъ это общество слишкомъ общими и слабыми штрихами. Лермонтову очень хотѣлось видѣть эту пьесу на сценѣ, но цензура не могла ее пропустить. „Авторъ—разсказываетъ А. Н. Муравьевъ—съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить моего двоюроднаго брата Мордвинова быть снисходительнымъ къ его творенію, но Мордвиновъ былъ неумолимъ». Въ слѣдующемъ 1836 году Лермонтовъ совершенно передѣлалъ свою драму, измѣнивъ событія, развязку

и лица. Вообще надъ каждымъ своимъ твореніемъ онъ долго и много работалъ, передѣлывалъ по нѣскольку разъ, переносилъ изъ одного произведенія въ другое цѣлыя строфы. Такъ „Хаджи-Абрекъ“ явился передѣлкой поэмы „Каллы“, а написанная въ 1835 году поэма „Бояринъ Орша“ была дальнѣйшимъ развитіемъ юношескаго произведенія «Литвинка». Какъ въ „Хаджи-Абрекѣ“, такъ и въ „Боярынѣ Оршѣ“ есть нѣсколько заимствованій изъ „Измаила-бея“, и вообще, всѣ эти поэмы, разнообразныя по содержанію, представляютъ полнѣйшее сходство характеровъ изображенныхъ въ нихъ героевъ. Это все тѣ-же сильныя волею, непоколебимыя, энергическія натуры, всѣмъ существомъ своимъ отдающіяся разъ вызванному въ нихъ чувству, и съ мрачнымъ презрѣньемъ и злобою смотрящія на міръ и людей.

Но совершенно въ иномъ духѣ написаны Лермонтовымъ за это же время, въ 1836 году, другія двѣ поэмы: „Монго“ и „Казначейша“.

Обѣ они напоминаютъ тотъ легкій, циническій жанръ, какимъ отличаются его юнкерскія произведенія, но на этотъ разъ видна большая сдержанность, и веселый заразительный юморъ поэта въ „Казначейшѣ“ обращается не на одни пикантные предметы, а и на бытовую обстановку провинціальной жизни, которая обрисовывается здѣсь очень рельефно.

Въ томъ-же 1836 году началъ Лермонтовъ и свой большой романъ „Княгиня Лиговская“, который однако остался неоконченнымъ и, герой котораго, Печоринъ, былъ перенесенъ впослѣдствіи Лермонтовымъ въ другое произведеніе „Герой нашего времени“.

Такимъ образомъ, не смотря на обиліе удовольствій и развлеченій, среди которыхъ жилъ Лермонтовъ въ первые годы своего офицерства, онъ находилъ время и для литературныхъ работъ, которымъ отдавался съ увлече-

ніемъ. И хотя его умственный и нравственный кругозоръ и не расширялся въ той обстановкѣ, въ какой онъ теперь вращался,—талантъ его все-же замѣтно крѣпъ, пріобрѣтая все большую образность, картинность, художественность изображенія и металлическую звучность и силу стиха. Его стихотвореніе „На смерть Пушкина“ соединило въ себѣ всѣ достоинства этого громаднаго таланта, и потому, когда уѣзжалъ Лермонтовъ на Кавказъ, его провожали общія симпатіи интелигентной части общества, видѣвшей въ немъ достойнаго преемника Пушкина.

На Кавказѣ, впрочемъ, Лермонтовъ пробылъ недолго. Онъ велъ тамъ—по словамъ его письма—довольно однообразную и скучную жизнь, избѣгая общества и ежедневно таскаясь по горамъ, не смотря ни на какую погоду. Ему пришлось также учавствовать въ одной экспедиціи противъ горцевъ, а въ свободное время онъ, кажется, усиленно предавался своей поэтической дѣятельности. По крайней мѣрѣ, съ Кавказа Лермонтовъ прислалъ одно изъ превосходнѣйшихъ своихъ произведеній „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова“.

„Пѣсня“ эта перенесла много мытарствъ прежде чѣмъ попала въ печать. А. А. Краевскій, издававшій въ то время „Литературныя Прибавленія“ и получившій отъ Лермонтова это произведеніе для напечатанія, послалъ „Пѣсню“ обыкновеннымъ порядкомъ къ цензору; цензоръ нашелъ совершенно невозможнымъ напечатать стихотвореніе человѣка, только что сосланнаго на Кавказъ. Тогда издатель „Прибавленій“ обратился къ Жуковскому, который былъ въ великомъ восторгѣ отъ стихотворенія, находилъ, что непремѣнно надо напечатать, и далъ Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія, Уварову. Уваровъ нашелъ, что цензоръ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ, но разрѣшилъ печатаніе

на своей отвѣтственности, не позволивъ однако ставить имени Лермонтова, которое было замѣнено случайными буквами.

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича", говоритъ А. Н. Пыпинъ,—единственная въ своемъ родѣ пьеса Лермонтова; въ ряду литературныхъ произведеній она занимаетъ мѣсто на ряду съ произведеніями Гоголя, по своей безыскусственной красотѣ и вѣрному тону". Лермонтовъ прекрасно выдержалъ тонъ народнаго, безыскусственнаго повѣствованія, что доказывало въ немъ способность объективнаго отношенія къ дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ громадный эпическій талантъ. И по идеѣ „Пѣсня" была явленіемъ отраднымъ, такъ какъ симпатіи автора, не смотря на присущіе ему аристократическіе предразсудки, лежали не на сторонѣ опричника, представителя высшаго класса, а на сторонѣ купца, вообще простаго человѣка, съ достоинствомъ отстаивавшаго свои права на честь, на доброе имя.

Послѣ долгихъ мытарствъ „Пѣсня", наконецъ, появилась въ печати въ началѣ 1838 года, какъ разъ въ то время, когда Лермонтовъ, вслѣдствіе хлопотъ своей бабушки, былъ возвращенъ съ Кавказа.

„Первые дни послѣ пріѣзда, пишетъ Лермонтовъ 15 Февраля 1838 года—прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты... Въ добавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники. Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это было-бы и можно... я такъ упалъ духомъ, и хотѣлъ-бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда-бы то нибыло".

Благодаря хлопотамъ бабушки, Лермонтовъ, по возвращеніи съ Кавказа, былъ принятъ въ гродненскій гусарскій полкъ, а потомъ, ея-же стараніями, вскорѣ переведенъ опять въ тотъ, въ которомъ былъ до ссылки. Но теперь его уже не занимала военная служба и потому ни возвращеніе въ

полкъ, ни снова открывавшаяся прежняя блестящая карьера его нисколько не радовали.

Напротивъ даже, онъ имѣлъ серьезное намѣреніе оставить службу и, навѣрное, исполнилъ бы его, если-бъ не встрѣтилъ препятствій въ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ и, между прочимъ, въ энергичномъ протестѣ родственниковъ. И не только оставить службу.—Лермонтовъ не могъ даже добиться отпуска, который хотѣлъ взять, чтобъ съѣздить повидаться съ московскими друзьями. «Я просился—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 1838 года (число не помѣчено)—въ полугодовой отпускъ—мнѣ отказали: на двадцать восемь дней—отказали; на четырнадцать—опять отказали»...

А между тѣмъ въ свѣтѣ въ это время Лермонтовъ имѣлъ большой успѣхъ. Возвращенный съ Кавказа и преисполненный его вдохновеніями онъ былъ принятъ съ большимъ участіемъ въ столицѣ, какъ бы преемникъ славы Пушкина, которому принесъ себя въ жертву. „Въ теченіе мѣсяца—пишетъ онъ въ вышеупомянутомъ письмѣ—на меня была мода, меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются... Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, всюду приглашаютъ, даже когда я и не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостинныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда и не подозрѣвали гривы“.

Такой успѣхъ, такое вниманіе общества льстили Лермонтову. Его суетность и самолюбіе, въ которыхъ самъ онъ сознается, нѣкогда заставляли его искать доступа въ это общество, возбуждали въ немъ страстное желаніе играть въ

обществѣ роль,—и теперь онъ достигъ этого. Самолюбіе его было удовлетворено. Но онъ сталъ скучать въ обществѣ, свѣтъ ему надоѣлъ. Онъ хотѣлъ совсѣмъ покинуть Петербургъ, самъ просился на Кавказъ, но ему отказали. Вообще съ Лермонтовымъ, видимо, произошла сильная перемѣна, и перемѣна къ лучшему. Его желаніе бросить службу вмѣстѣ съ охлажденіемъ къ великосвѣтскимъ салонамъ было лучшимъ доказательствомъ того, что въ немъ восторжествовали серьезные интересы, серьезное отношеніе къ жизни. Однако, совершенно отречься отъ прежней жизни, отъ укоренившихся въ немъ свѣтскихъ привычекъ и предразсудковъ онъ не могъ. Они сказывались и въ времяпровожденіи Лермонтова, пустомъ и испорченно-свѣтскомъ, и въ манерѣ его держать себя.

„Лермонтовъ—разсказываетъ Панаевъ—хотѣлъ слыть во что бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно также, какъ Пушкинъ, если кто нибудь разсматривалъ его, какъ литератора". Поэтому Лермонтовъ, вообще, чуждался литературнаго міра и имѣлъ знакомства только въ кругу писателей особенно вліятельныхъ. Такъ онъ былъ знакомъ съ Жуковскимъ, княземъ Одоевскимъ, Плетневымъ, Муравьевымъ, словомъ съ тѣми, кто или самъ принадлежалъ къ свѣту, или представлялъ собою литературный авторитетъ.

„Я въ первый разъ увидѣлъ Лермонтова—разсказываетъ Панаевъ—у кн. В. Ѳ. Одоевскаго и потомъ довольно часто встрѣчался съ нимъ у г. Краевскаго... Лермонтовъ обыкновенно заѣзжалъ къ г. Краевскому по утрамъ и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Входя съ шумомъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтовъ подходилъ

къ столу, за которымъ сидѣлъ редакторъ, разбрасывалъ корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ г. Краевскаго со стула.

Поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ. Посѣщенія его были непродолжительны.

Разъ утромъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ г. Краевскому въ то время, когда я былъ у него. Лермонтовъ привезъ ему свое стихотворенье:

Есть рѣчи—значенье
Темно, иль ничтожно...

прочелъ его и спросилъ:

— Ну, что годится?

— Еще бы! дивная вещь! отвѣчалъ г. Краевскій:—превосходно; но тутъ есть въ одномъ стихѣ маленькій грамматическій промахъ, неправильность...

— Что такое? спросилъ съ безпокойствомъ Лермонтовъ.

Изъ *пламя* и свѣта
Рожденное слово...

— Это неправильно, не такъ, возразилъ г. Краевскій: по настоящему, по грамматикѣ надо сказать: изъ *пламени* и свѣта...

— Да если этотъ пламень не укладывается въ стихъ? Это вздоръ, ничего,—вѣдь поэты позволяютъ себѣ разныя поэтическія вольности—и у Пушкина ихъ много... Однако... (Лермонтовъ на минуту задумался)... дай-ка я попробою передѣлать этотъ стихъ.

Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому столу съ выемкой, обмакнулъ перо и задумался...

Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали. Наконецъ, Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ:

— Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ, какъ есть. Сойдетъ съ рукъ"...

По разсказамъ Панаева у Краевскаго часто встрѣчался въ это время съ Лермонтовымъ и Бѣлинскій. «Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ поэтомъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе.

— „Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ", говорилъ Бѣлинскій:—„было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою". И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бретера». Лермонтовъ чувствовалъ себя несравненно выше той среды, въ которой вращался и которая озлобляла его своей рутинностью и закорузлостью идей и понятій. И изъ чувства протеста онъ поступалъ именно наперекоръ этимъ понятіямъ среды, что повело къ составленію о немъ мнѣнія, какъ о человѣкѣ пустомъ и недобраго сердца. Такое мнѣніе, исходящее отъ людей, глубоко презираемыхъ поэтомъ, только радовало его и доставляло ему удовольствіе. Но все-же путь, избранный Лермонтовымъ, былъ опаснымъ: онъ, самъ того не замѣчая, постепенно вязъ на этомъ пути, погружаясь въ тину мелочнаго тщеславія, напыщенной заносчивости и отталкивающей, злобной назойливости. „Отдавая полную справедливость—говоритъ кн. Васильчиковъ—внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали

Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современнаго общества, нельзя, однако, не сознаться, что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей безъ всякой видимой причины"....

ГЛАВА XII.

Дуэль Лермонтова съ Барантомъ.—Арестъ поэта.—Свиданіе съ Бѣлинскимъ.—Вторичная ссылка на Кавказъ.—Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ.—Стихотвореніе „Тучи".

Въ февралѣ 1840 года произошла дуэль Лермонтова съ Барантомъ, сыномъ извѣстнаго историка и французскаго посланника при русскомъ дворѣ.

На балу графини Лаваль, Барантъ потребовалъ у Лермонтова объясненія словъ, будто-бы сказанныхъ поэтомъ одной великосвѣтской дамѣ и рисовавшихъ Баранта въ непривлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ отрицалъ взведенное на него обвиненіе, но Барантъ, видимо, не повѣрилъ и далъ понять о томъ поэту въ такихъ словахъ:

— Все-таки, если переданныя мнѣ сплетни справедливы, вы поступили весьма дурно.

— Совѣтовъ и выговоровъ я не принимаю, вспылилъ Лермонтовъ,—и нахожу ваше поведеніе смѣшнымъ и дерзкимъ.

Это уже было явнымъ оскорбленіемъ Баранта. Въ отвѣтъ на него Барантъ выразилъ сожалѣніе, что онъ не въ своемъ отечествѣ, гдѣ-бы сумѣлъ расплатиться за эту дерзость.

Слова Баранта задѣли Лермонтова за—живое.

— Въ Россіи, проговорилъ онъ, слѣдуютъ правиламъ чес-

ти такъ-же строго, какъ и вездѣ, и русскіе меньше другихъ позволяютъ оскорблять себя безнаказанно.

Барантъ вызвалъ Лермонтова на дуэль и они разстались.

Черезъ день послѣ того, 18-го Февраля, въ двѣнадцать часовъ утра, Лермонтовъ и Барантъ съѣхались за Черною рѣчкой близъ Парголовской деревни. Дуэль была положена на шпагахъ до первой крови, потомъ на пистолетахъ. Секундатами были: у Лермонтова—его товарищъ—Столыпинъ, у Баранта—графъ Рауль д'Англесъ.

Въ самомъ началѣ дуэли у шпаги Лермонтова переломился конецъ и Барантъ слегка оцарапалъ ему грудь. Тогда противники взяли пистолеты и по счету „три" должны были стрѣлять. Лермонтовъ немного запоздалъ, Барантъ выстрѣлилъ первый и промахнулся. Тогда поэтъ далъ выстрѣлъ въ свою очередь и нарочно не цѣлясь, въ сторону. На этомъ дуэль окончилась. Барантъ подошелъ къ Лермонтову, подалъ ему руку и уѣхалъ.

Прямо съ мѣста дуэли—разсказываетъ Панаевъ—Лермонтовъ пріѣхалъ къ Краевскому. Онъ былъ необыкновенно веселъ, разговорчивъ, доволенъ и не чуялъ, что надъ нимъ собиралась гроза.

Извѣстіе о дуэли Лермонтова быстро распространилось по городу и дошло до начальства. Начальство потребовало его къ отвѣтственности и отдало подъ судъ. Въ ожиданіи рѣшенія суда, 10-го Марта 1840 года, онъ заключенъ былъ подъ арестъ въ ордонансъ-гаузѣ. Здѣсь, по разсказу Панаева, Бѣлинскій посѣтилъ Лермонтова и пришелъ отъ него въ неописанный восторгъ. Вотъ какъ передаетъ Панаевъ разсказъ Бѣлинскаго объ этомъ свиданіи съ Лермонтовымъ:

„Я былъ въ ордонансъ-гаузѣ, у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ

первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!.. Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію. Думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного,—такъ это любовь къ искусству, но онъ не подается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... „Я не люблю Вальтеръ-Скотта, сказалъ мнѣ Лермонтовъ, въ немъ мало поэзіи, онъ сухъ,“ — и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты. Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ—и что удивило меня—даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собою, — я увѣренъ въ этомъ“...

Лермонтовъ сидѣлъ въ ордонансъ-гаузѣ въ ожиданіи рѣшенія своей участи, а между тѣмъ де-Барантъ, узнавъ объ

объясненіи Лермонтова, данномъ начальству, остался очень недоволенъ этимъ объясненіемъ и выражалъ свое неудовольствіе въ обществѣ. Ему было страшно обидно слышать, что онъ остался живъ только по милости великодушія Лермонтова, стрѣлявшаго на воздухъ. Тогда Лермонтовъ, до котораго дошли слухи о неудовольствіи Баранта, пригласилъ его повидаться съ нимъ лично въ ордонансъ-гаузѣ и объясниться о дѣлѣ откровенно. Свиданіе состоялось тайно, безъ вѣдома начальства, и Лермонтовъ подтвердилъ Баранту справедливость своего показанія, и если тотъ былъ этимъ недоволенъ, предложилъ ему другую дуэль по окончаніи своего ареста, заграницею, куда хотѣлъ ѣхать съ наступленіемъ весны. Барантъ удовольствовался объясненіемъ; но теперь, помимо обвиненія въ участіи на дуэли и недонесеніи о томъ начальству, въ вину Лермонтову поставлено было и это свиданіе.

Дѣло прошло нѣсколько инстанцій различныхъ военныхъ начальствъ, которыя опредѣляли болѣе или менѣе строгія наказанія. Наконецъ, прочитавъ подробный докладъ о дуэли Лермонтова, императоръ Николай Павловичъ, 13-го апрѣля 1840 года, подписалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ-же чиномъ». Тенгинскій полкъ стоялъ въ то время на Кавказѣ.

„Почти наканунѣ отъѣзда — разсказываетъ гр. Соллогубъ—я встрѣтилъ Лермонтова на балу у гр. Ивана Воронцова-Дашкова. Я нѣсколько удивился, заставъ его беззаботно-веселымъ; вся его будущность поколебалась отъ этой ссылки, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кружился въ вальсѣ. Раздосадованный, я подошелъ къ нему.

— Да что ты тутъ дѣлаешь! — закричалъ я на него: —

убирайся ты отсюда, Лермонтовъ, того и гляди тебя арестуютъ.

- Не арестуютъ у меня!—щурясь сквозь свой лорнетъ, вскользь проговорилъ графъ Иванъ, проходя мимо насъ.

Въ продолженіе всего вечера я наблюдалъ за Лермонтовымъ. Имъ обуяла какая-то лихорадочная веселость, но по временамъ что-то странное скользило въ его лицѣ...

..... На другой день я ранѣе обыкновеннаго отправился къ Карамзинымъ... Едва я взошелъ въ гостиную, Софья Карамзина стремительно бросилась ко мнѣ на встрѣчу, схватила мои обѣ руки и сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Ахъ, Владиміръ, послушайте, что Лермонтовъ написалъ, какая это прелесть! Заставьте сейчасъ его сказать вамъ эти стихи.

Лермонтовъ сидѣлъ у чайнаго стола; вчерашняя веселость съ него „соскочила“, онъ показался мнѣ блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго.

Я подошелъ къ нему и выразилъ ему мое желаніе, мое нетерпѣніе услышать тотчасъ вновь сочиненные имъ стихи.

Онъ нехотя поднялся со своего стула.

— Да я давно написалъ эту вещь—проговорилъ онъ и подошелъ къ окну.

Софья Карамзина, я, да еще двое-трое изъ гостей окружили его; онъ оглянулъ насъ всѣхъ бѣглымъ взглядомъ, потомъ точно задумался и медленно началъ:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ

Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль...

Когда онъ кончилъ, слезы потекли по его щекамъ, и мы, очарованные этимъ, едва-ли не самымъ поэтическимъ его произведеніемъ и рѣдкой музыкальностью созвучій, стали горячо его хвалить.

— C'est du Pousckine cela—сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Non, c'est du Лермонтовъ ce qui vaudra son Pousckine! вскричалъ я *).

Лермонтовъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, братъ, далеко мнѣ до Александра Сергѣевича,— сказалъ онъ, грустно улыбнувшись: — да и времени мало остается; убьютъ меня, Владиміръ!"

Съ такимъ тяжелымъ чувствомъ отправился Лермонтовъ въ ссылку вскорѣ послѣ объявленной ему высочайшей резолюціи, и дорогою излилъ въ полномъ нѣжнаго, задушевнаго чувства стихотвореніи „Тучи" свою грусть разставанія съ родиной:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто, какъ я-же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

— —

Кто-же васъ гонитъ: судьбы-ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? Злоба-ль открытая?

---

*) Да это—второй Пушкинъ.—Нѣтъ, это—Лермонтовъ, который стоитъ Пушкина.

Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

——

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

. . . . . .

ГЛАВА XIII.

Сотрудничество Лермонтова въ „Отеч. Запискахъ“. — Стихотвореніе „Дума“.—Повтореніе юношескихъ воззрѣній поэта. — Стихотвореніе „Желаніе“.—Поэма „Мцыри“.—Описаніе картинъ природы. — Стихотворенія: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Молитва“, „Сосѣдъ“, „И скучно и грустно“, „Памяти Одоевскаго“, „Я, Матерь Божія“, „Ребенку“, „Родина“, „Поэтъ“, „Пророкъ“.—Первое изданіе собранія стихотвореній Лермонтова.—„Герой нашего времени“. — Обозрѣніе произведеній Лермонтова.—Значеніе Печорина.

Въ 1840 году Лермонтовъ уже хорошо былъ извѣстенъ публикѣ по многимъ стихотвореніямъ, напечатаннымъ, главнымъ образомъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ“, издававшихся Краевскимъ. Лермонтовъ отдавалъ туда преимущественно свои мелкія стихотворенія и здѣсь-же впервые выступилъ съ разсказами изъ Кавказской жизни: „Бэла“, „Фаталистъ“ и „Тамань“.

„Отечественныя Записки“ въ изданіи Краевскаго стали выходить съ 1839 года, и первая книжка этого журнала украсилась замѣчательнымъ произведеніемъ Лермонтова „Дума“. По словамъ Бѣлинскаго, стихотвореніе это изумило всѣхъ алмазною крѣпостью стиха, громкою силою бурнаго одушевленія, исполинской энергіей благороднаго негодованія и

глубокой грустью. Поэтъ высказываетъ здѣсь свой взглядъ на общество, бичуетъ общество за его недостатки и пороки и горячо возстаетъ противъ всего европейскаго просвѣщенія, какъ причины разложенія общества. Характерныя черты времени Лермонтовъ изобразилъ чрезвычайно мѣтко. Равнодушіе, апатія, скука овладѣли всѣми. На всѣхъ легла печать безличія, безпристрастія, душевнаго холода. Робкое чувство боится показаться на свѣтъ Божій:

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно-малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы.

Такъ тощій плодъ до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, приплодъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили мозгъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди *остатокъ чувства*—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.

Это была дѣйствительно характерная черта времени. Силы образованнаго молодаго поколѣнія не находили себѣ никакого прямаго дѣла, никакого приложенія въ общественной жизни. Всякая попытка въ этомъ отношеніи наталкивалась на непреодолимыя преграды, разлеталась прахомъ. Отсюда явилась боязнь какого-либо свободнаго проявленія личности, сомнѣніе въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ чувствѣ. Чувство не могло проявляться свободно, во всѣхъ леченіяхъ своихъ контролируемое разсудкомъ и потому не-

смѣлое, боязливое. Это было состояніе такъ называемой рефлексіи, гдѣ не было мѣста безотчетнымъ влеченіямъ, гдѣ каждое проявленіе чувства отравлялось здравымъ смысломъ разсудка. Рефлексія была характерной чертой времени, и новое поколѣніе, къ которому принадлежалъ Лермонтовъ, ярко отражало ее, являя собою тѣхъ „стариковъ безъ сѣдинъ“, типъ которыхъ слегка намѣченъ поэтомъ въ „Измаилъ-бею“ и теперь очерченъ въ такихъ стихахъ:

Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на вѣки извлекли.

И потомъ:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Вѣрно и мѣтко очерчивая современное общество, поэтъ причину бездѣйствія его, апатіи и разложенія приписывалъ опять таки, какъ и въ „Измаилъ-бею“, просвѣщенію, „бремени познанья“, которое будто бы „изсушило мозгъ наукою безплодной“. Подобное мнѣніе, особенно для того времени, было крайне ошибочнымъ, но оно вытекало изъ общаго отрицательнаго отношенія Лермонтова къ современной дѣйствительности и изъ тѣхъ симпатій, какія питалъ онъ къ жизни, нетронутой просвѣщеніемъ, гдѣ только, по его мнѣнію, и могли быть натуры цѣльныя, здоровыя, энергическія. Эти симпатіи высказываетъ поэтъ и въ „Думѣ“, отдавая предкамъ современнаго общества предпочтеніе передъ новымъ поколѣніемъ. По его мнѣнію, даже развратъ предковъ былъ добросовѣстный, ребяческій:

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ *добросовѣстный, ребяческій* развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Въ „Думѣ“ болѣе яркими сравнительно съ „Измаиломъ-бееmъ“ чертами обрисованъ типъ представителей новаго поколѣнія, и этотъ типъ впослѣдствіи нашелъ себѣ еще лучшее выраженіе въ „Героѣ нашего времени“. Въ „Думѣ“, такимъ образомъ, повторились опять и общія воззрѣнія Лермонтова на жизнь и все тѣ же симпатіи и антипатіи, какія видѣли мы въ „Измаилѣ-беѣ“.

Но если здѣсь поэтъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ познанью и наукѣ только намекаетъ на влеченіе къ иной жизни, нетронутой просвѣщеньемъ, — то въ нѣсколькихъ другихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ за время отъ 1836 до 1840 года, бурно и громко высказываетъ онъ неудержимое стремленіе сбросить съ себя оковы современной дѣйствительности и безотчетно отдаться жизни вблизи природы, упиться бурями и опасностями этой вольной жизни.

„Дайте разъ — пишетъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „Желаніе“—

по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

———

Дайте мнѣ челнокъ досчатый...
. . . . . .
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Такое же „желаніе“ высказываетъ поэтъ и въ стихотвореніи „Узникъ“ и въ дивирамбѣ этой *воли*, прекрасной поэмѣ „Мцыри“.

Вотъ что въ исповѣди своей говоритъ Мцыри старику-монаху:

Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ-бы, если-бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны какъ, орлы.

Мцыри бѣжалъ. И съ неописаннымъ восторгомъ разсказываетъ онъ про тѣ нѣсколько дней, какія пробылъ на волѣ:

. . . . О, я какъ братъ
Обняться съ бурей былъ-бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молніи ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли-бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой...

Въ разсказѣ Мцыри въ яркихъ, роскошныхъ краскахъ выступаетъ вся прелесть и упоеніе этой вольной жизни.

Съ безотчетною страстностью отдается онъ всѣмъ впе-

чатлѣніямъ воли и простора, и въ дивныхъ красотахъ природы, и въ смѣло одолѣваемыхъ препятствіяхъ, и въ грозящихъ отвсюду опасностяхъ находитъ исходъ тому душевному пламени, который съ юныхъ дней, таяся, жилъ въ груди его.

Поэма „Мцыри“, такимъ образомъ, является прославленіемъ, диѳирамбомъ этой вольной жизни, и диѳирамбомъ цвѣтущей, полной упоенія природы, среди которой и возможны только эта ширь, просторъ и воля, такъ манившіе къ себѣ поэта.

Лермонтовъ страстно любилъ природу и потому описанія картинъ ея занимаютъ видное мѣсто въ его произведеніяхъ. „Рисуетъ ли онъ—говоритъ Боденштедтъ—исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло“, въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли на облака, бѣгущія „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, или на коня, несущагося по синей, безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ, или буйный громъ битвы, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою то таинственною прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ“.

И природа, которую поэтъ такъ любилъ, картины кото-

рой изображалъ съ такою яркостью, полнотою и одушевленіемъ, природа эта имѣла на него чарующее вліяніе, давала облегченіе его больной, изстрадавшейся душѣ:

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то сладкій сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Такъ говоритъ Лермонтовъ о благотворномъ вліяніи, какое оказывала на него природа, смирявшая его страданія и сгонявшая то мрачное настроеніе, въ которое часто впадалъ онъ подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ и мучительныхъ сомнѣній.

Поэтъ на себѣ испытывалъ все бремя той рефлексіи, въ которой обличалъ свое поколѣніе. Сомнѣнія нерѣдко терзали его, отнимая и вѣру въ силы и вѣру въ какую либо дѣятельность. Въ такія минуты тяжело приходилось Лермонтову, и только „молитва“ спасала его отъ полнаго отчаянія:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть:

Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Поэтъ находилъ успокоеніе въ молитвѣ, которая возвращала ему вѣру въ жизнь, ободряла и возбуждала силы его къ дѣятельности. А рядомъ съ природой и молитвой такое-же благотворное вліяніе оказывала на поэта и музыка. Вотъ что говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „Сосѣдъ“ о впечатлѣніи, производимомъ на него пѣніемъ:

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они—не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Но такое свѣтлое, вѣрующее настроеніе овладѣвало Лермонтовымъ ненадолго. Оно смѣнялось обыкновенно печальнымъ и мрачнымъ раздумьемъ, которое обусловливалось всей его жизнью, всѣми вынесенными имъ страданьями, тяготившими сомнѣніями и, наконецъ, безпочвенностью, непримѣнимостью къ жизни его идеаловъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Лермонтовъ огульно отрицалъ всю современную дѣйствительность и противопоставлялъ ей вольную и бурную жизнь народовъ, не тронутыхъ цивилизаціей. Туда направлены были его стремленія, желанія и влеченія, тамъ видѣлъ онъ идеалъ жизни. Но такой идеалъ ничего не объяснялъ Лермонтову, не давалъ ему никакихъ указаній для дѣятельности въ той средѣ, гдѣ всетаки приходилось жить ему. И онъ чувствовалъ неопредѣленность своего положенія, и неопредѣленность эта дѣйствовала на него тѣмъ болѣе удручающе, что таившіяся въ немъ силы искали простора, просили выхода.

Подъ давленіемъ такого гнетущаго состоянія мрачное раздумье поэта доходило иногда до безнадежнаго отчаянія, которое и изливалось въ стихахъ, томительно-болѣзненныхъ, но полныхъ прелести глубокаго, задушевнаго чувства:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... Что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—все лучшіе годы!

Любить... но кого-же?... на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя-ли загляпешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Всѣ пережитыя Лермонтовымъ страданія, обманутыя чувства, несбывшіяся мечты, истерзавшія душу сомнѣнія, на конецъ, горькій осадокъ безцѣльно-проведенной жизни, растраченной въ *ничтожныхъ радостяхъ и мукахъ*, и безпросвѣт-

ность, безвыходность впереди—все вмѣстѣ—слилось въ чувствѣ полнѣйшаго, безнадежнаго отчаянія въ себѣ, и глубокаго презрѣнія къ жизни.

Но кипучая, полная силъ и огня натура поэта не давала отчаянію совершенно овладѣть имъ, не допускала поэта застыть въ этомъ холодномъ презрѣніи къ жизни и къ людямъ. И сквозь отчаяніе, и сквозь презрѣніе била живая струя, слышалась борьба пробивавшагося здороваго, жизненнаго чувства. Слишкомъ много нѣжности, любви и теплоты сердечной таилось въ душѣ поэта для того, чтобъ могъ онъ застыть, закорузнуть въ холодѣ презрѣнія и отчаянія. Какою глубокою нѣжностью, какою силою яснаго, добраго чувства дышитъ, напр., его стихотвореніе „Памяти Одоевскаго“—одно изъ лучшихъ произведеній всей русской поэзіи... Какая сердечность, теплота и глубина чувства слышатся въ его стихотвореніяхъ „Я, Матерь Божія“... и „Ребенку“—въ этихъ рѣдкихъ перлахъ поэзіи!.. Не смотря на всѣ невзгоды и испытанія, ломавшія и коверкавшія впечатлительную душу поэта, все же въ тайникѣ ея крылись и горячая отзывчивость на добрыя влеченія, и глубокая симпатія къ людямъ, къ народу, выразившаяся въ стихотвореніи „Родина“. Стихотвореніе это относится къ послѣднему году жизни Лермонтова. Въ немъ высказываетъ онъ свою любовь къ родинѣ и указываетъ на причины, вызывающія эту любовь. Его влечетъ къ себѣ родная природа, ширь ея степей, безбрежность лѣсовъ, разливы рѣкъ, подобные морямъ. Его симпатіи привлекаютъ и родныя деревни, съ ихъ унылымъ, „печальнымъ“ видомъ.

Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.

Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Что касается отзывчивости поэта на добрыя влеченія, то она сказалась, между прочимъ, въ его высокомъ представленіи о значеніи поэзіи. Стихотворенія „Поэтъ“ и „Пророкъ“, изъ которыхъ второе принадлежитъ къ послѣднимъ произведеніямъ, — ярко показываютъ, что Лермонтовымъ, въ его творческой дѣятельности, руководило благое желаніе послужить людямъ, принести пользу; онъ хотѣлъ провозглашать среди людей «любви и правды чистыя ученья», хотѣлъ, чтобъ стихъ его

. . . какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Въ 1840 году, вскорѣ по отъѣздѣ Лермонтова на Кавказъ, вышло въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ собраніе его стихотвореній, приготовленное имъ самимъ. Лермонтовъ тщательно разобралъ весь имѣвшійся у него матеріалъ и внесъ въ собраніе только то, что уже раньше было напечатано въ журналахъ, прибавивъ сюда нѣсколько мелкихъ стихотвореній и поэму „Мцыри.“ Ни „Казначейша“, ни „Хаджи—Абрекъ,“ хотя и напечатанныя раньше, не вошли въ собраніе. Не помѣстилъ тамъ Лермонтовъ и своихъ другихъ поэмъ, и драмы „Маскарадъ“, потому что, строго

относясь къ своимъ произведеніямъ, отдавалъ на судъ публики только вещи вполнѣ обработанныя, законченныя.

И публика съ восторгомъ и нескрываемымъ удивленіемъ отнеслась къ высоко-художественнымъ произведеніямъ поэта, который своей поэзіей мрачной, отрицательной, озлобленной или глубоко меланхолической производилъ на всѣхъ громадное впечатлѣніе.

Въ томъ-же 1840 году вышелъ въ свѣтъ и романъ „Герой нашего времени“, заключавшій въ себѣ прежде написанныя разсказы „Бэла“, „Тамань“, „Фаталистъ“ и два новыхъ: „Максимъ Максимовичъ“ и „Княжна Мери“. Романъ явился иллюстраціей того общаго настроенія Лермонтова, которое сказалось въ его стихотвореніяхъ, и закончилъ собою рядъ попытокъ поэта изобразить типъ современнаго интеллигентнаго человѣка.

Ознакомившись теперь съ большинствомъ произведеній Лермонтова, начиная съ юношескихъ драмъ и кончая его послѣднимъ романомъ, мы замѣчаемъ, что въ творчествѣ его сказались три теченія, чередовавшіяся между собой и отразившія въ себѣ преобладающіе моменты настроенія поэта.

Въ ранней юности пылкое, кипучее сердце поэта, полное восторженныхъ грезъ и мечтаній, сталкивается съ неприглядной будничной обстановкой жизни, съ людскимъ эгоизмомъ, безсердечіемъ и пошлостью. И въ юношескихъ драмахъ изображается борьба этого пылкаго сердца съ окружающей злобою жизни, борьба, отражающаяся тяжелыми, мрачными впечатлѣніями. Юноша усваиваетъ взглядъ на общество, какъ на „собраніе людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня“. Такое общество возбуждаетъ негодованіе,

презрѣніе поэта и онъ отвращивается отъ него. Его бурное воображеніе увлекается иною жизнью среди иныхъ людей, гдѣ есть мѣсто и необъятнымъ силамъ, ищущимъ выхода въ тревогахъ и опасностяхъ, и страстнымъ, неудержимымъ порывамъ чувства. Еще въ дѣтствѣ увлекался мальчикъ такою жизнью и теперь увлеченія эти, подогрѣваемыя поэзію Байрона, овладѣваютъ всѣмъ его существомъ. Цѣлый рядъ поэмъ является выраженіемъ этихъ увлеченій и заключается величественной поэмой „Мцыри“ — громкимъ гимномъ въ честь этой бурной, тревожной жизни, куда направлены были горячія стремленія поэта, гдѣ видѣлъ онъ свой идеалъ. Но, если Лермонтовъ, какъ поэтъ, и отворачивался отъ современной дѣйствительности и уносился мыслью въ свой чудный, созданный воображеніемъ міръ, то, какъ человѣкъ, онъ все же долженъ былъ жить и дѣйствовать въ этомъ обществѣ и среди этой современной дѣйствительности. И дѣйствительность, жизнь, какая она была, какою создали ее общественныя условія того времени,—оказывала свое воздѣйствіе на поэта, отражалась на немъ своими неприглядными сторонами. Поэтому въ творчествѣ Лермонтова сказывается новое теченіе—изображеніе именно того воздѣйствія, какое производила текущая общественная жизнь на человѣка. Это воздѣйствіе несмѣлыми, общими штрихами обрисовывается уже въ „Измаилъ-бей“ и затѣмъ постепенно все болѣе и болѣе заинтересовываетъ поэта, такъ что онъ изъ міра своей идеальной жизни нисходитъ въ міръ дѣйствительности, и изображенію этой дѣйствительности и ея воздѣйствіи на людей посвящаетъ нѣсколько произведеній: „Сашка“, „Княгиня Лиговская“, „Дума“ и, наконецъ, „Герой нашего времени“.

Но во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Лермонтовъ коснулся только одной стороны жизни; его занимало именно болѣз-

ненное явленіе того времени, отразившееся и на немъ самомъ, это—скука жизни, терзавшая лучшихъ людей той эпохи, ненахожденіе себѣ дѣятельности, безвыходность таившихся въ душѣ силъ и всеразлагающій скептицизмъ, подтачивавшій всякое вѣрованіе, убивавшій всякое непосредственное чувство.

На этомъ явленіи останавливается поэтъ во всѣхъ вышеназванныхъ произведеніяхъ и, наконецъ, наиболѣе полно обрисовываетъ его въ „Героѣ нашего времени"—въ Печоринѣ.

Печоринъ явился выраженіемъ не только характерныхъ чертъ времени; онъ отразилъ въ себѣ и вліяніе испорченнаго великосвѣтскаго общества, къ которому принадлежалъ, и чисто личныя черты самого поэта, который, не смотря на всю несимпатичность ихъ, какъ-бы нарочно щеголялъ ими передъ обществомъ.

Объ этихъ частныхъ, такъ сказать, чертахъ характера Печорина говорить нечего. Типъ его представляетъ интересъ только со стороны общественной, какъ выраженіе извѣстнаго общественнаго настроенія. Только въ такомъ отвлеченіи мы и будемъ говорить объ этомъ типѣ.

Печоринъ—сильный и гордый человѣкъ, рано узнавшій жизнь и людей и презирающій испорченное, лицемѣрное и ничтожное общество. Въ этомъ обществѣ онъ не находитъ себѣ дѣятельности, хотя и чувствуетъ въ себѣ ,,силы необъятныя" и думаетъ, что ему предстояло ,,назначеніе высокое". Онъ влачитъ свое существованіе, одолѣваемый скукою, безъ желаній, безъ цѣли. Испытанныя имъ страданія сдѣлали его холоднымъ и безстрастнымъ. Къ тому-же сомнѣнія породили и въ немъ рефлексію, и къ собственному чувству и страстямъ онъ относится аналитически и не можетъ предаться имъ вполнѣ и жить ими. Сомнѣнія подто-

чили вѣру не только въ чувство, но и въ мысль, которая, по мнѣнію Печорина, обречена на постоянныя заблужденія и теряется въ массѣ противорѣчій. Послѣдствіемъ такого состоянія является полнѣйшее отчаяніе, но отчаяніе невысказываемое, „прикрытое любезностью и добродушной улыбкой“.

И здѣсь, какъ и въ другихъ произведеніяхъ, объясняетъ Лермонтовъ порожденіе этого типа ничтожествомъ общества и ,,бременемъ познанья“, вызвавшимъ въ душѣ людей сомнѣнія;—но во всякомъ случаѣ типъ, обрисованный поэтомъ, былъ глубокожизненнымъ и выражалъ собою дѣйствительную скорбь и апатію лучшей части тогдашняго общества. Печоринъ олицетворилъ собою преобладающее настроеніе Лермонтова, выражавшее, хотя и неясный, и неопредѣленный, но все-же громкій протестъ противъ неустройства жизни. И протестъ этотъ поняло общество. Въ то время, какъ одна часть его видѣла въ Лермонтовѣ новый, лучшій разцвѣтъ русской литературы, другая—провожала рано погибшаго поэта недобрымъ напутствіемъ: ,,туда ему и дорога“.

ГЛАВА XIV.

Кавказская жизнь Лермонтова.—Послѣднее посѣщеніе Петербурга и Москвы.—Знакомство съ Боденштедтомъ.—Возвращеніе на Кавказъ.—Жизнь въ Пятигорскѣ.—Отношеніе Лермонтова къ пріятелямъ и къ знакомымъ.—Мартыновъ.—Вечеръ у Верзилиныхъ.—Вызовъ на дуэль.—Смерть Лермонтова.—Похороны.—Памятникъ въ Тарханахъ.—Заключеніе.

На Кавказѣ Лермонтовъ и въ этотъ разъ принималъ участіе въ экспедиціи противъ горцевъ и былъ, между прочимъ, въ сраженіи подъ Валерикомъ, которое описалъ впослѣдствіи въ поэмѣ этого названія. Среди кочевой, тревожной жизни онъ отдохнулъ душою, стряхнулъ съ себя бремя удручавшихъ сомнѣній и мучительныхъ думъ.

И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы въ головѣ....
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь подъ широкой тѣнью
Чинаръ, иль виноградныхъ лозъ....

Эта бивуачная, безпокойная жизнь была по душѣ Лермонтову, хотя пробуждавшаяся нерѣдко мысль и тревожила его своимъ всеразлагающимъ анализомъ. Онъ не могъ вполнѣ отдаться этой жизни, потому что и разсудокъ, и сердце говорили ему противъ безцѣльности и жестокости ея:

Я думалъ: «Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?

Когда въ концѣ 1840 года Лермонтову разрѣшено было пріѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Проведя въ Петербургѣ зиму, весною 1841 года онъ пріѣхалъ въ Москву. Къ этому времени относится знакомство его съ Боденштедтомъ—впослѣдствіи извѣстнымъ нѣмецкимъ переводчикомъ его стихотвореній, который такъ разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Лермонтовымъ:

„Случилось мнѣ обѣдать въ одинъ пасмурный, хотя и праздничный день, съ Павломъ О., очень умнымъ молодымъ русскимъ. Обѣдали мы въ одномъ французскомъ ресторанѣ, который посѣщала въ то время вся знатная московская молодежь.

Во время обѣда къ намъ присоединилось еще нѣсколько знакомыхъ и, между прочимъ, одинъ молодой князь замѣчательно-красивой наружности и довольно ограниченнаго ума, но большой добрякъ. Онъ позволялъ потѣшаться надъ собою и добродушно сносилъ всѣ остроты, которыя другіе отпускали на его счетъ....

Мы были уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ; и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты...

— А! Михаилъ Юрьевичъ? вскричали вдругъ двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только что вошедшаго молодаго человѣка.

Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ: „здравствуйте“, слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами:

— Ну, какъ поживаешь, умникъ?

У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ, или сигарочницу, и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

Гладкіе, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво-очерченныхъ губахъ молодаго человѣка.

Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не до верху застегнутъ, и изъ-подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

Мы говорили до тѣхъ поръ по французски и О. представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ, онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ—чтобъ не сказать у всѣхъ—русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали, потому, что гость этотъ былъ Михаилъ Лермонтовъ...

Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколько кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты остались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время

недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ разсчелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но, наконецъ, и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ же, гдѣ и у другихъ людей.

Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня прошла всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто нибудь скребъ по стеклу...

Но не далѣе, какъ на слѣдующій же вечеръ — заканчиваетъ свои воспоминанія Боденштедтъ — встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ".

Въ Апрѣлѣ 1841 года Лермонтовъ покинулъ Москву. Съ своимъ родственникомъ и давнишнимъ пріятелемъ, Столыпинымъ, онъ отправился вновь на мѣсто ссылки, на Кавказъ, откуда болѣе ему ужъ не удалось вернуться. «Никогда я такъ не проводилъ пріятно время, какъ этотъ разъ въ Москвѣ» —говорилъ онъ своему товарищу по школѣ, Меринскому, къ которому заѣзжалъ на нѣсколько часовъ при проѣздѣ черезъ Тулу.

Пріѣхавъ въ Ставрополь, Лермонтовъ взялъ новый отпускъ, по болѣзни, и для лѣченія отправился въ Пятигорскъ.

Въ Пятигорскѣ поселился онъ въ небольшомъ домикѣ, стоявшемъ на краю города, на углу верхней городской площадки. Домикъ былъ скромный, но чистенькій, съ прекраснымъ видомъ изъ оконъ: впереди—гирлянды садовъ и виноградныхъ кустарниковъ и силуэтъ всего Кавказскаго хребта на голубомъ, чистомъ небѣ; справа — стройный очеркъ Машука, слѣва—Бештау. Рядомъ съ Лермонтовымъ поселился и Столыпинъ, и они всегда вмѣстѣ проводили время въ кружкѣ близкихъ пріятелей, къ которымъ принадлежали: Глѣбовъ, кн. Трубецкой, кн. Васильчиковъ, Раевскій, Назимовъ и другіе. Вся эта молодежь особенно часто посѣщала семейство генерала Верзилина, приманкой къ чему были три дочери генерала и всегда встрѣчаемый тамъ радушный пріемъ. „Часто также бывали мы — разсказываетъ г. Раевскій, одинъ изъ пріятелей Лермонтова въ Пятигорскѣ, — у генеральши Катерины Ивановны Мерлини, героини защиты Кисловодска отъ черкесскаго набѣга, случившагося въ отсутствіе ея мужа, коменданта Кисловодской крѣпости. Ей пришлось самой распорядиться дѣйствіями крѣпостной артиллеріи, и она сумѣла повести дѣло такъ, что горцы разсѣялись прежде, чѣмъ прибыла казачья помощь... Часто устраивались у насъ кавалькады, и генеральша Катерина Ивановна почти всегда ѣздила съ нами верхомъ, по-мужски, на казацкой лошади. Обыкновенно мы ѣзжали въ Шотландку, нѣмецкую колонію въ семи верстахъ отъ Пятигорска по дорогѣ въ Желѣзноводскъ. У насъ велся точный отчетъ объ нашихъ parties de plaisir. Ихъ выдающіеся эпизоды рисовались въ „альбомѣ

приключеній", въ которомъ можно было найти все: и кавальды, и пикники, и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ".

Лермонтовъ, кажется, принималъ большое участіе въ „альбомѣ", рисуя въ немъ каррикатуры на всѣхъ знакомыхъ и чаще всего на одного изъ львовъ Пятигорскаго общества, пользовшагося большимъ успѣхомъ у дамъ, отставнаго маіора Мартынова. „Всѣ пріѣзжіе и постоянные жители Пятигорска—продолжаетъ разсказъ свой г. Раевскій—получали отъ Михаила Юрьевича прозвища. И языкъ-же у него былъ! Какъ, бывало, прозоветъ кого, такъ кличка и пристанетъ. Между пріѣзжими барынями были и belles pales, и grenouilles èvanouies [1]). А дочка калужской помѣщицы Быховецъ получила прозвище la belle noire". „Въ Лермонтовѣ—разсказываетъ кн. Васильчиковъ—было два человѣка: одинъ добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ этому разряду лицъ принадлежалъ, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками". Какъ иллюстрацію такого отношенія Лермонтова къ постороннимъ людямъ можно привести случай, разсказанный г. Раевскимъ: „Былъ у насъ чиновничекъ изъ Петербурга, Отрѣшковъ-Терещенко по фамиліи, и грамотѣй считался... Ну, такъ вотъ этотъ чиновникъ стишки писалъ. И ничуть не хуже меня. А вотъ, поди-жъ ты! Попроситъ его Михаилъ Юрьевичъ почитать что-нибудь и хвалитъ, да такъ хвалитъ, что мы рады были-

[1]) Блѣдныя красавицы и ув дшія лягушки.

бы себѣ языки пооткусывать, лишь-бы свой хохотъ скрыть. А мои стихи, хоть и не лучше, а слушаетъ, ничего не говоритъ".

Особенно тороватъ былъ Лермонтовъ на насмѣшливыя прозвища, и крестилъ ими даже пріятелей своихъ, между прочимъ, и самого Раевскаго, котораго называлъ не иначе, какъ „Слѣтокъ". Но больше всѣхъ доставалось Мартынову.

Мартыновъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя нравятся женщинамъ. Онъ былъ высокаго роста, стройно сложенъ, съ выразительными чертами лица. Онъ брилъ по черкески голову и носилъ необъятной величины кинжалъ, изъ-за котораго Лермонтовъ прозвалъ его poignard'омъ (кинжаломъ). Одѣвался Мартыновъ всегда въ бѣлый шелковый бешметъ и суконную черкесску, рукава которой любилъ засучивать. Вся фигура его, манеры, жесты полны были какой-то непріятной удали и заносчиваго молодечества.

Лермонтовъ не пропускалъ случая подтрунить надъ этой заносчивостью, надъ этимъ бьющимъ въ глаза фатовствомъ, и съ свойственнымъ ему сарказмомъ награждалъ Мартынова самыми нелестными эпитетами: „aristocrate manqué", [1]) „poignard", „вышеносовъ" и др. Кличка „poignard" почему-то особенно пристала къ Мартынову, такъ что ему ни отъ своихъ, ни отъ пріѣзжихъ другого имени не было.

Это страшно бѣсило Мартынова и вооружало его противъ Лермонтова, съ которымъ былъ онъ первое время въ болѣе, или менѣе пріятельскихъ отношеніяхъ [2]). Лермонтовъ, однако, не унимался. Ходятъ слухи, что поэта

[1]) Неудавшійся аристократъ.

[2]) Въ „Нивѣ", 1885 г. стр. 474., напечатаны письма нѣкихъ гг. Пирожкова и Бетлинга, увѣряющихъ — оба съ одинаковой развязностью — что Мартыновъ повѣрилъ имъ тайну своего разрыва съ Лермонтовымъ и повѣрилъ при нѣсколько странныхъ обстоятель-

раздражало противъ Мартынова и предпочтеніе, оказываемое послѣднему одной особой, [3]) на вниманіе которой разсчитывалъ Лермонтовъ. Говорило-ли здѣсь чувство уязвленнаго самолюбія, или ревность, — но только саркастическія выходки до того наконецъ раздражили Мартынова, что онъ просилъ поэта прекратить ихъ. Лермонтова, однако, нетакъ-то легко было уговорить.

И между Мартыновымъ и Лермонтовымъ произошла крупная размолвка, повлекшая за собою дуэль.

У Верзилиныхъ былъ вечеръ. Вся Лермонтовская компанія собралась тамъ и въ числѣ прочихъ Мартыновъ. „Ну, просто сіяетъ!—разсказываетъ про него г. Раевскій: — Бешметикъ бѣленькій, черкесска верблюжьяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной тесемкой обшита, а серебрянный кинжалъ чуть — не до полу“. Танцы въ полномъ

ствахъ: съ первымъ изъ нихъ онъ былъ знакомъ въ теченіе *нѣсколькихъ вечеровъ*, а втораго видѣлъ только *одинъ разъ* въ жизни. И вотъ Мартыновъ раскрылъ г. Пирожкову, будто Лермонтову поручено было, при послѣднемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, отцомъ Мартынова передать сыну пакетъ, а сестры зачѣмъ-то посылали брату свои дневники. Лермонтовъ, пріѣхавъ въ Пятигорскъ, заявилъ Мартынову, что посылки эти у него украли, и отдалъ ему свои деньги триста рублей. Когда, спустя нѣсколько времени, отецъ Мартынова узналъ объ этомъ случаѣ,—онъ спрашивалъ сына письмомъ: почему могъ знать Лермонтовъ, что въ пакетѣ были деньги, тогда какъ, вручая пакетъ, ему объ этомъ ничего не говорили? Другими словами, Мартыновъ передъ г. Пирожковымъ обвинялъ Лермонтова въ подлогѣ. Но тотъ же Мартыновъ другому своему довѣренному лицу, г. Бетлингу, разсказываетъ, что у нихъ съ Лермонтовымъ вышло „нѣчто, вызвавшее крупное объясненіе“, но собственно „всю ссору раздули пріятели“. Ссору изъ-за подлога пріятелямъ раздувать было нечего: она достаточно говоритъ за себя. Значитъ, „нѣчто“ это было не столь крупной важности. Такимъ образомъ показанія этихъ двухъ довѣренныхъ лицъ прямо противорѣчатъ другъ-другу. А къ подобнымъ показаніямъ слѣдуетъ относится съ большою осторожностью.

[3]) По однимъ разсказамъ особа эта была г-жа Быховецъ — belle noire, по другимъ—младшая дочь генерала Верзилина, Надежда Петровна.

разгарѣ. Лермонтовъ, послѣднее время не ладившій съ старшей дочерью Верзилиныхъ, [1]) которая сердилась на него за его страсть къ поддразниванью, — подошелъ къ ней, прося на туръ вальса:

— Faisons la paix, un tour dė valse, je vous prie [2]) проговорилъ онъ.

Та долго не соглашалась.

— De grâce, m-lle Emilie, — сталъ умолять онъ, — un tour de valse pour la dernière fois de ma vie [3]).

— Если такъ, — отвѣтила Эмилія Александровна: — нечего дѣлать, пойдемте.

Провальсировавъ, они усѣлись уже друзьями, и въ обществѣ Льва Сергѣевича Пушкина, подошедшаго къ нимъ, предались болтовнѣ и весело смѣялись. Но Лермонтовъ среди болтовни и смѣха не переставалъ, однако, слѣдить за Мартыновымъ, стоявшимъ съ Надеждой Петровной Верзилиной у рояля, на которомъ игралъ кн. Трубецкой. Что подало ему поводъ, — неизвѣстно; но только онъ вдругъ что-то сострилъ надъ Мартыновымъ и послѣднія слова его остроты „montagnard au grand poignard [4]) громко раздались по всему залу.

Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы и, подойдя къ Лермонтову, сказалъ:

— Я просилъ васъ оставить ваши шутки при дамахъ.

И быстро повернувшись, онъ отошелъ.

Эмилія Александровна, бывшая свидѣтельницей этой сцены, не могла не замѣтить Лермонтову, что языкъ его — врагъ его.

---

[1]) Эмилія Александровна Клингенбергъ — дочь отъ перваго брака г-жи Верзилиной.

[2]) Помиримтесь. На туръ вальса, пожалуйста.

[3]) Пожалуйста, M-lle Emillie, на туръ вальса въ послѣдній разъ въ моей жизни.

[4]) Горецъ съ большимъ кинжаломъ.

— Пустяки!—отвѣчалъ Лермонтовъ: — demain nous serons bons amis [5]).

Танцы продолжались еще долго, и, казалось, все обстояло благополучно.

Но, выходя изъ дому на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ:

— Я уже просилъ тебя прекратить эти несносныя шутки и теперь предупреждаю, что, если еще разъ вздумаешь избрать меня предметомъ твоей остроты, я заставлю тебя перестать...

Лермонтовъ не далъ ему кончить.

— Тонъ твоей проповѣди — проговорилъ онъ — мнѣ не нравится, и запретить мнѣ говорить про тебя, что хочу, не можешь; а вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо лучше-бы сдѣлалъ, если-бъ дѣйствовалъ; ты знаешь: я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно, этимъ меня не испугаешь.

Мартыновъ обѣщалъ прислать секунданта.

Секундантами были со стороны Лермонтова — князь Васильчиковъ, со стороны Мартынова — Глѣбовъ. Оба они, и по показанію ихъ самихъ, и по свидѣтельству г. Раевскаго, всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ, но это имъ не удалось. „Хотя формальный вызовъ на дуэль—говоритъ кн. Васильчиковъ—и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что въ вышеприведенныхъ словахъ Лермонтова заключалось уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію. На этомъ сокрушились всѣ наши усилія... но и тутъ, въ послѣднюю минуту, мы были убѣждены, что дуэль кончится пустыми выстрѣлами и что, обмѣнявшись, для соблюденія чести, двумя пулями, противники подадутъ

[5]) Завтра мы будемъ друзьями.

другу—другу руки и поѣдутъ ужинать". На благополучный исходъ дуэли разсчитывать можно было тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ, по свидѣтельству г. Раевскаго, говорилъ товарищамъ, что цѣлить не будетъ, дастъ выстрѣлъ на воздухъ.

Дуэль назначена была на 15-е іюля въ $6^1/_2$ часовъ вечера.

Наканунѣ дуэли Лермонтовъ возвращался вмѣстѣ съ Столыпинымъ изъ Желѣзноводска и встрѣтилъ по дорогѣ, въ Шотландкѣ, m-lle Быховецъ — belle noire. Съ нею провелъ онъ тамъ цѣлый вечеръ. „Онъ былъ очень любезенъ,—разсказываетъ г. Раевскій—шутилъ и много смѣялся. А у нея, по тогдашней модѣ, на лбу была фероньерка надѣта на узенькомъ золотомъ ободкѣ. Михаилъ Юрьевичъ снялъ съ ея головы эту фероньерку и все время, пока болталъ съ ней, навертывалъ на пальцы гибкій ободокъ, потомъ спряталъ въ правый карманъ и сказалъ ей:

— Оставьте эту вещицу у меня; вамъ послѣ отдадутъ...

На слѣдующій день произошла дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ...

Въ условленный часъ противники сошлись на избранномъ раньше мѣстѣ—вдали отъ города, съ сѣверозападной стороны Машука—на небольшой площадкѣ, окаймленной густыми виноградными кустарниками. Барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Мартыновъ и Лермонтовъ стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли, каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Когда секунданты скомандовали сходиться, Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру; Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ дуэлиста. „Въ эту минуту и въ послѣдній разъ—говоритъ кн. Васильчиковъ—я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, ко-

торое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него". Мартыновъ такъ долго цѣлился, что секунданты закричали ему: „стрѣляйте, или мы васъ разведемъ!" Мартыновъ выстрѣлилъ—Лермонтовъ упалъ мертвымъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ; пуля ударила въ правый бокъ на вылетъ. Разсказываютъ, что въ этотъ день еще съ утра надъ Пятигорскомъ и горою Машукомъ собиралась туча и, какъ нарочно, сильная гроза разразилась ударомъ грома въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю.

Секунданты подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь; пуля пробила сердце и легкія.

„А мы дома — разсказываетъ г. Раевскій — съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и кн. Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Мартыновъ—никому ни слова, и прошелъ, темнѣе ночи, къ себѣ въ комнату, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенко и все разсказалъ ему. Мы съ разспросами къ князю, а онъ только и сказалъ: «убитъ»! и заплакалъ... Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности; всѣ плакали, какъ малыя дѣти"...

Пока Васильчиковъ искалъ въ городѣ экипажъ, чтобы отвести на квартиру тѣло Лермонтова, подлѣ убитаго подъ проливнымъ дождемъ и ударами грома все время оставался Глѣбовъ. „Темно, — разсказывалъ онъ — верховая лошадь, привязанная къ кусту, ржетъ, копытами роетъ землю и рвется, а на колѣняхъ у меня покоится голова Михаила Юрьевича". И когда Глѣбовъ хотѣлъ приподнять ее, чтобы положить удобнѣе, Лермонтовъ судорожно зѣвнулъ,—и Глѣбовъ остался недвижимъ.

Наконецъ, пріѣхалъ экипажъ, и тѣло отвезли на квартиру Лермонтова. При раздѣваньѣ, въ правомъ карманѣ жилета нашли взятую поэтомъ отъ belle noire фероньерку, всю въ крови.

Когда вѣсть о смерти Лермонтова распространилась по городу, дворъ и домъ его переполнились народомъ; было слышно даже нѣсколько такихъ озлобленныхъ голосовъ противъ Мартынова, что не будь онъ арестованъ, ему грозила бы опасность.

16-го Іюля всѣ знакомые Лермонтова и масса посторонняго народа собрались на панихиду и погребеніе. Но священникъ не приходилъ. Онъ отказывался совершать обрядъ погребенія надъ Лермонтовымъ, такъ какъ по уставу убитые на дуэли приравниваются къ самоубійцамъ. Ходили слухи, что нѣсколько вліятельныхъ личностей, находившихся тогда въ Пятигорскѣ и не любившихъ Лермонтова за его злой языкъ, поддерживали въ священникѣ его нежеланіе хоронить поэта. Однако друзьямъ Лермонтова удалось таки кое какъ уломать священника. Онъ пріѣхалъ.

Поэта похоронили на кладбищѣ Пятигорска, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ гробъ его перевезенъ былъ въ Тарханы, гдѣ и воздвигнутъ ему памятникъ. На черномъ мраморѣ памятника золотыми буквами высѣчены слова: *Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился 1814 года, 2-го Октября, скончался 1841 года, 15-го Іюля.*

Лермонтовъ умеръ на двадцать седьмомъ году жизни, „въ цвѣтѣ надежды и силы“. Съ собой

> Въ могилу онъ унесъ летучій рой
> Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
> Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Жизнь Лермонтова слагалась среди гнетущихъ, тяжелыхъ обстоятельствъ. И семейная обстановка, и общество, къ которому онъ принадлежалъ, и общія условія жизни—духъ времени—все удручало его нѣжную, впечатлительную душу, отравляло ее горечью, злобой и презрѣніемъ. Могучія силы таились въ этой нѣжной душѣ, и сказались въ глубо-

кой страстности, въ бурной, кипучей фантазіи и въ томъ горячемъ призывѣ къ бурной, энергичной дѣятельности который слышится въ большинствѣ его произведеній.

Бичуя общество, негодуя на пошлость окружающей будничной обстановки, страдая „подъ бременемъ сомнѣнья“, Лермонтовъ вносилъ своими произведеніями живую струю критическаго отношенія къ жизни, возбуждалъ мысль къ разумной оцѣнкѣ существующихъ явленій. И хотя поэтъ, высказывая громкій протестъ противъ неустройства жизни, и не давалъ дѣйствительныхъ, существенныхъ указаній, могущихъ измѣнить такое неустройство,—заслуга его уже и въ томъ, что выступилъ онъ „съ могучимъ словомъ отрицанья“. Отрицанье это наложило на всю поэзію Лермонтова отпечатокъ мрачности и меланхоліи, доходившей иногда до безнадежнаго отчаянія. Но и за такимъ мрачнымъ взглядомъ на жизнь, и за ненавистью, презрѣньемъ и злобою, которыя часто овладѣвали поэтомъ, въ глубинѣ души его все-же теплилась любовь къ людямъ.

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца.

Много у Лермонтова осталось недосказаннаго, невыясненнаго, неопредѣленнаго, но онъ умеръ такъ рано и какъ разъ въ то время, когда, по словамъ Бѣлинскаго, „кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни“.

УКАЗАТЕЛЬ

КРИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

о ЛЕРМОНТОВѢ.

Сочиненія Бѣлинскаго, тт. III и IV.

Лермонтовъ. Статьи А. Д. Галахова въ „Русск. В.“ 1858 г. №№ 13, 14 и 16.

Лермонтовъ и его направленіе. Ст. Апол. Григорьева. „Время“ 62 г. №№ 10, 11, 12.

Матеріалы для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова. Ст. С. С. Дудышкина въ изданіи сочиненій Л—ва, 63 г.

Характеристика Лермонтова, написанная Боденштедтомъ—въ „Матеріалахъ для біографіи Л—ва“, изданныхъ М. И. Семевскимъ, 70 г.

Лермонтовъ. Ст. А. Н. Пыпина. Изданіе сочиненій Л—ва, 73 г.

Пушкинъ и Лермонтовъ. Ст. Шашкова. „Дѣло“ 73 г. №№ 7 и 9.

Наше общество (1820—1870) въ герояхъ и героиняхъ литературы М. В. Авдѣева. СПБ. 1874 г.

М. Ю. Лермонтовъ. Критико-біографическія статьи П. Висковатаго. „Русск. Мысль“: 81 г. №№ 10, 11, 12; 82 г. №№ 2, 11, 12; 83 г. №№ 2 и 4; 84 г. №№ 4, 7, 11.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. Виктора Острогорскаго. Спб. 85 г. (стр. 106—112).

ИНОГОРОДНОЕ КОМИССІОНЕРСТВО

НИКОЛАЯ ДМИТРІЕВИЧА ТЯПКИНА.

С.-Петербургъ, Васильевскій остр., 5 л., д. № 6.

1. Высылаетъ по требованію *всѣ книги*, вновь выходящія и прежде изданныя, географическіе и историческіе атласы и карты, учебныя пособія, письменныя и канцелярскія принадлежности, а также и ноты.

2. Составляетъ вновь и пополняетъ частныя и общественныя библіотеки.

3. Принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ.

4. *Всѣ порученія исполняются только на наличныя деньги.*

5. На пересылку прошу прилагать сверхъ номинальной цѣны отъ 10 до 15% на рубль стоимости, по разстоянію.

Постояннымъ покупателямъ или вообще лицамъ и учрежденіямъ, выписавшимъ за одинъ разъ или въ теченіе года книгъ или учебныхъ пособій и нотъ на *пятьдесятъ руб.*, высылается безплатно «*Книжный Вѣстникъ*», журналъ книжно-торговый, издательской и литературной дѣятельности въ Россіи, выходящій два раза въ мѣсяцъ.

СОЧИНЕНІЯ ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

I) Изъ народнаго быта. № 1 **Титъ.** Подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Цѣна 10 коп.

№ 2. **Маланья.** Подборъ русскихъ пословицъ, прибаутокъ и поговорокъ. Цѣна 10 коп.

№ 3. **Вавило.** Подборъ русскихъ примѣтъ. Цѣна 10 коп.

№ 4. **Мапа на дѣвичникъ.** Подборъ русскихъ пѣсенъ и причитаній Ц. 10 к.

№ 5. **Илья Муромецъ,** крестьянскій сынъ, по народнымъ былинамъ. Ц. 7 к.

II) Изъ міра великихъ преданій. 1) **Роландъ** (изъ древней французской поэмы). 2) **Король Лиръ** (по Шекспиру) 3) **Зимняя сказка** (по Шекспиру). 4) **Вильгельмъ Телль** (по Шиллеру). 5) **Цриши** по Теодору Кернеру). Разсказы для юношества, съ рис. Кившенко и Панова. Ц. въ папкѣ 1 р. 20 к.

III) Очерки пушкинской Руси. Спб. Ц. 50 к.

IV) Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся. Ц. 75 к.

V) Русскіе писатели для школъ. Подъ редакціею и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній—Выпускъ I. В. А. Жуковскій, его жизнь и сочиненія, составилъ В. А. Икорниковъ Спб. 1885 года. Ц. 40 к.—Выпускъ II. И. С. Тургеневъ, составилъ И. И. Крампъ. Спб. 1885 года. Цѣна 40 коп. Выпускъ III. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и сочиненія составилъ В. Икорниковъ Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

VI) Бесѣды о преподаваніи словесности. Ц. 80 к.

VII) Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. (Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Никитинъ, Шевченко, Тургеневъ, Григоровичъ, графъ Левъ Толстой и Погосскій). Цѣна 1 р. 50 к.

КНИЖНЫЙ И ПИСЧЕ-БУМАЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

НИКОЛАЯ ДМИТРІЕВИЧА ТЯПКИНА

С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 л., д. № 6.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Возможно ли примѣнить русское правописаніе академика Я. К. Грота къ практикѣ? Разборъ М. Добронравова. Спб. 1886 г. Ц. 30 к.

Руководство практической ариѳметики, въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Вороновъ. Ц. 75 к.

Физика въ простыхъ урокахъ. Д. Тиндаля. Перев. съ англ. подъ редакціею проф. Шимкова. Изданіе 2-е. Ц. 75 к.

Робинзонъ въ русскомъ лѣсу. Разсказъ для дѣтей, съ рис. въ текстѣ. О. Качулковой. Ц. въ папкѣ 1 р. 75 к.

Дюгамель. Методика ариѳметики и алгебры. Ц. 75 к.

Дюгамель. Методика геометріи. Ц. 70 к.

Самаровъ. Императрица Елисавета Петровна. Романъ-хроника изъ исторіи Россіи 2 т. Ц. 3 р.

Отто Уле. Почему и потому. Учебникъ физики въ вопросахъ и отвѣтахъ, съ 110 рис. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

Ученическая библіотека греческихъ и латинскихъ классиковъ. Пособіе для изучающихъ древніе языки Энеида Виргилія (книга III) въ подстрочномъ переводѣ Ц. 30 к. Тоже (книга IV) въ подстрочномъ переводѣ. Ц. 30 к.

Габоріо. Знаменитыя фаворитки. Пер. съ франц. Спб. 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Алексѣевъ. Краткій учебникъ органической химіи, съ 28 пол. Спб. 1885. Ц. 50 к.

Школа жизни. Повѣсть для юношества, по роману Диккенса „Мартинъ Чульзвитъ“ сост. Борисовъ, изданіе 2-е. Спб. 1886 г. Ц. 1 р.

Добрый Морозко. Зимняя сказка, А. Н. Сальникова, изд. 2-е. Спб. 1886 г. Ц. 5 к.

КЛЮЧЪ КЪ РУКОВОДСТВУ И. ФЛЕРИ.

Разсказы и описанія, избранныя изъ лучшихъ русскихъ авторовъ, для перевода съ русскаго языка на французскій. Пособіе при самообученіи французскому языку. Второе совершенно переработанное изданіе, примѣнительно къ послѣднему изданію „Руководства“. Ц. 50 к.

3 0112 061740152